

№12

декабрь 2025

РУССКИЙ КЛУБ

Скоро Новый год!

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12 (242)
декабрь 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПУТЬ ИЛИИ
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 10 80 ЛЕТ ТРИУМФА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 13 ВЕК БЕЗ ПОЭТА
- 14 «НЕ ЗВОНИ МНЕ, КАКТУС...»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 16 БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 СТРАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ ВАЛЕНТИНЫ ТЕЛИЧКИНОЙ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 25 КАК РОЖДАЮТСЯ КНИГИ
ХАННА ПЕНМАН
- 30 ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ. ФЕДЯ. Рассказы
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ
- 35 ВЕЛИКИЕ В БАТУМИ
АРТЕМ КОМАРОВ
- 38 КРАСКИ БУДУЩЕГО НА ПОДИУМЕ ТБИЛИСИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 40 Я К ВАМ ВЕРНУСЬ...
- 42 ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ. Рассказ
БЕСО ХВЕДЕЛИДЗЕ
- 48 БОЛЬШЕ, ЧЕМ СПОРТ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 50 ПЕТРЕ САРАДЖИШВИЛИ
ОМАР ШУДРА
- 52 ЧАЙ, ГРУЗИЯ, КИТАЙ И КУЛЬТУРА СВОБОДЫ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 54 ГАРМОНИЯ ГОР И СЕРДЦА
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА

На обложках: фото с сайта мэрии Тбилиси

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

«ПЕВЕЦ ПРИРОДЫ» С ТРУДНОЙ СУДЬБОЙ

В школьные хрестоматии этот поэт попал именно как автор лирических стихов о природе, но жизнь его была драматичнее и с куда более резкими поворотами. Отец поэта Афанасия Фета, отставной ротмистр Шеншин, тоже Афанасий, происходил из старинного рода, владевшего когда-то половиной Мценского уезда. Дом был богатым, деревенским, и будущий поэт рос в атмосфере помещичьего быта.

Но фамилия Фет появилась в его жизни неспроста. В Германии отец женился на Шарлотте Фет, урожденной Беккер, уже разведенной и с дочерью от первого брака. Афанасий родился в этом союзе и до 14 лет числился Шеншиным. Однако позже выяснилось, что немецкое лютеранское венчание родителей не признавалось в России, а православный обряд был проведен уже после рождения ребенка. В 1834 году духовная консистория аннулировала запись о его рождении как законного сына Шеншина и формально «назначила» ему отцом первого мужа матери — Иоганна-Петера-Карла-Вильгельма Фета. Так Афанасий потерял фамилию Шеншин, родовое дворянство. То есть был признан «незаконнорожденным». Это клеймо преследовало его десятилетиями.

Фет, чтобы хоть как-то избавиться от позорного звания, решил вопрос просто: пошел служить в кавалерию

и дослужиться до офицерского звания. Ибо только оно позволяло ему заново «выслужить себе дворянские права». В офицерской форме и со стройной кавалерийской выправкой он пытался вернуть себе статус в обществе и доказать миру — и, главное, себе тоже — что он никакой не «второсортный». Служил честно, дослужился до чина уланского поручика, а после и до штаб-ротмистра, параллельно писал стихи, которые в столичных журналах принимали с восторгом: за его ранними строками закрепили слово «музыкальность», тогда еще редкое в литературной критике.

Но характер у Афанасия Афанасьевича был непростой. Фет умел довести собеседника одной фразой, был язвителен, резок и совершенно не приспособлен к светским улыбкам. В воспоминаниях современников всплывает история одного литературного вечера. Фет, славившийся тонкими миниатюрами, читал новую, почти звукописную стихотворную зарисовку. Публика слушала вежливо, но без особого восторга. Один из молодых поэтов шепнул соседу, но шепот оказался слышен: «Красиво, но о чем это?» Фет, не моргнув, бросил со сцены: «О том, что не каждому дано услышать». Зал сначала замер, а потом разразился смехом — и это была уже не издевка, а признание.

В зрелые годы он, добившись восстановления в правах и вернув отцовскую фамилию Шеншин, ушел из литературной суеты, стал успешным помещиком, страстно занимался хозяйством, писал трактаты о скотоводстве и переписывался с философами. Но стихи — легкие, прозрачные, будто сотканые из воздуха и света — продолжал складывать до конца жизни.

Сегодня Фета вспоминают как мастера чистой лирики, создателя идеального «момента»: мерцание травы, дрожание воздуха, всплеск птицы на воде. Его жизнь была тяжелой, но строки — удивительно светлыми.

ЛИНИЯ УОЛЛЕСА, ИЛИ НЕ ДАРВИНОМ ЕДИНЫМ

На карте нашей планеты есть загадочная черта — Линия Уоллеса, зоогеографическая граница, проходящая между Бали и Ломбоком, затем между Борнео и Сулавеси и далее к Малукским островам. Поразительно, но по одну сторону этой линии живут типично азиатские виды — тигры, носороги, орангутаны; по другую — австралийские: кенгуру, казуары, сумчатые. Разрыв объясним: Азия и Австралия в древности были разделены глубокими проливами, которые не пересыхали даже в ледниковые эпохи, поэтому

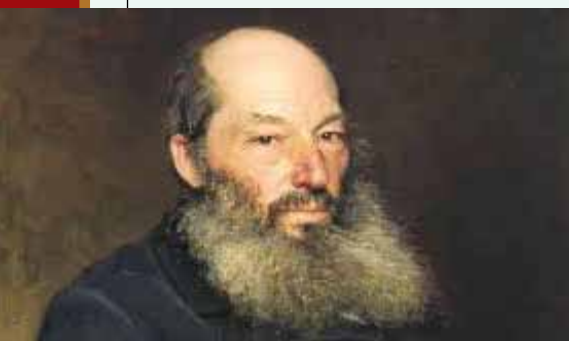

фауна развивалась отдельно.

Эту границу первым распознал английский натуралист Альфред Рассел Уоллес, заметив, что природа не меняется постепенно от острова к острову, а делает резкий скачок именно здесь. Его наблюдения стали важным доказательством эволюции и легли в основу теории естественного отбора. В 1858 году его статья была опубликована одновременно с работой Чарльза Дарвина — оба ученых уважали друг друга и считали себя соавторами идеи. Справедливости ради отметим, что о теории эволюции писал в XIX веке не только Дарвин, но и не менее семидесяти ученых. Но сформулировал теорию он не один, одновременно с ним это сделал его почти единомышленник Альфред Уоллес.

В отличие от состоятельного Дарвина, отец которого оплачивал его обучение в университетах и финансировал его путешествия, Уоллес происходил из бедной валлийской семьи. Он рано начал работать помощником землемера и самостоятельно изучал естественные науки. В 1848 году отправился в экспедицию на Амазонку, собрал огромную коллекцию — и потерял ее в пожаре корабля, едва выжив в открытом море во время десятидневного дрейфа на небольшой шлюпке. Не сдавшись, он уехал в Малайский архипелаг, где за восемь лет собрал свыше 125 тысяч образцов и открыл свою знаменитую линию. На острове Тернате, в лихорадочном бреду, он сформулировал идею естественного отбора и отправил ее Дарвину.

Позднее Уоллес написал книгу «Малайский архипелаг», стал известным популяризатором науки и

идеалистом, интересовался социалистическими проектами и даже спиритуализмом. Умер в 1913 году, оставив миру одно из самых элегантных доказательств того, как формируется разнообразие жизни.

ФАЙВ-О-КЛОК, ИЛИ НЕМНОГО О ЧАЕ

Чай как напиток давно привычен в Китае — его пили уже в VI веке. В Европу он пришел только в XVI столетии благодаря португальским мореплавателям, а в России первые упоминания относятся к 1567 году, когда атаманы Петров и Ялышев попробовали его в Китае. Диковинка настолько понравилась, что в 1665 году по распоряжению царя Алексея Михайловича посол Иван Перфильев привез из Китая большой караван чая.

В Англии этот напиток долго оставался редкостью. В 1660-х он стоил в несколько раз дороже кофе и считался привилегией аристократии. Моду закрепила Екатерина Брагансская, португальская жена Карла II, представившая чай ко двору как изящный

повседневный напиток. Придворные дамы быстро превратили чаепитие в ритуал, демонстрируя дорогую посуду, сахар и редкие сорта чая.

К XVIII веку цены снизились, и чай стал доступен среднему классу. Он быстро превратился в знак респектабельности: чаепитие требовало манер, спокойствия и соблюдения правил — почти как японская чайная церемония. В холодном климате Британии теплый напиток полюбился и низшим слоям общества: он улучшал вкус простой еды, согревал и, что важно, готовился на кипяченой воде, снижая риск заболеваний от сырой воды.

Отдельная традиция — afternoon tea, или «чай в пять часов». Она возникла в первой половине XIX века, когда главный прием пищи сдвинулся на 19-20 часов. Легкий ланч не спасал от голода, и около 17:00 стали подавать чай с закусками и сладостями. По легенде, традицию ввела герцогиня Анна Рассел, фрейлина королевы Виктории, хотя прямых подтверждений нет. Она приглашала подруг «перекусить, чтобы не мучиться до ужина» — и эта привычка быстро стала модой, сначала среди аристократов, затем повсеместно.

Так чай из редкой роскоши превратился в повседневный британский ритуал — социальный, культурный и почти патриотический символ.

КИПЛИНГ И ЕГО «БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»

В этом месяце исполняется 160 лет со дня рождения Редьярда Киплинга — гениального английского писателя, которого знают и взрослые, и дети. Маугли, Рикки-Тикки-Тави, кот, который гулял сам по себе — его истории давно стали частью мировой культуры. А имя Киплинга помнят даже те, кто никогда не открывал «Книгу джунглей».

Родившийся в Бомбее, он с детства впитал Индию — первые слова на хиндустанском, шум базаров, смесь запахов и красок. Детство оборвалось резко: мальчика отправили в Англию, где он попал в суровый дом миссис Холлоуэй. Позже он назовет эти годы «шестью годами страха» — там сформировалось его нетерпение к фальши и морализаторству. «Я научился там двум вещам: наблюдать и выживать», — скажет он позже.

В Индию Киплинг вернулся уже журналистом. Газеты в Лахоре и Аллахабаде мгновенно оценили дар молодого корреспондента: он писал быстро, остро, без сантиментов. Британия увидела Индию «не из дворца, а из казармы». «Книгу джунглей» Киплинг создал как отдых от тяжелых репортажей — мир признал ее вершиной его таланта.

Коллеги шутили: «Киплинг диктует быстрее, чем печатает машина».

В Лондоне его ждали слава и споры: имперский тон Киплинга раздражал многих, но читали его все. За «Книгу джунглей», «Кима» и поэму «Если...» он стал первым англоязычным нобелевским лауреатом.

Бытовые истории о нем ходили десятками. Поклоннице, вложившей пять фунтов «за автограф», он вернул купюру: «Честь имею сообщить: я стою этих денег. Но автографы не продаю». На вопрос журналиста о гонорах ответил: «Да, я высокооплачиваемый автор — и каждый пенни достался издателям слишком легко».

Киплинга называли певцом британского империализма: он искренне верил, что Империя несет «цивилизацию», и в его «Песне банджо» звучит характерная строка: «Здесь прошел победный белый человек». Его знаменитое «Бремя белого человека» стало символом колониальной идеологии и предметом споров — смесью гуманизма и имперской снисходительности. Критики называли его реакционером, но он отвечал им просто: «Я описываю мир, в котором живу. Не я его придумал». И все же прекрасная пестрая Индия всегда была ему ближе туманной, строгой Англии — отсюда внимание к простым людям и живая образность. Невзирая ни на что, его гениальное стихотворение «Запад — есть Запад, Восток — есть Восток», хоть и утверждает, что «вместе им не сойтись», но звучит на редкость уважительно.

Как бы ни менялись оценки, он остается одним из главных голосов своей эпохи — голосом Британской империи, строгим, спорным и неоспоримо талантливым.

ПУТЬ ИЛИИ

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

История эта давняя. Лет, наверное, 25 прошло с той поры. Мой друг Омирос Мустиди, выпускник Тбилисской академии художеств, переехавший на постоянное местожительство в Грецию, известил меня о том, что большая картина Нины Каппадокийской, святой Просветительницы Грузии, над которой он работал последние два года, наконец-то завершена. Я поздравил друга. Знал, как много сил и энергии было вложено в создание картины, начальные штрихи которой видел своими глазами год назад, когда гостил у него в Салониках. На полотне изображена святая Нино во весь рост, с крестом в руке. Поделившись радостной новостью, Омирос неожиданно сообщил, что хотел бы в знак благодарности к земле, где прошла большая часть его жизни, преподнести свою работу в дар Грузии, а конкретно – в дар Грузинской православной церкви. Попросил совета, как это сделать? Куда направить картину? Кому конкретно дарить? Я обещал навести справки и, не откладывая дело в долгий ящик, позвонил Шорене Тетрашвили, личному секретарю и помощнице Католикоса-Патриарха всея Грузии, а еще через несколько дней был приглашен Шореной

на аудиенцию к самому патриарху.

В этом уютном здании на площади Ираклия Второго, где размещается Грузинская патриархия, мне доводилось бывать и раньше. Да что там бывать! Однажды я даже ужинал в этих хорах, да еще в обществе представителя весьма влиятельной в Европе королевской династии... В том году в Грузию приезжал Константин Второй, бывший король Греции, отпрыск Габсбургов, родственник всех ведущих европейских королевских семей, последний православный монарх Европы, выдающийся спортсмен, завоевавший для своей страны золотую медаль Римской олимпиады в 1960 году в соревнованиях по парусному спорту в классе «Дракон»... Короля в Тбилиси принимала Грузинская патриархия и, учитывая его происхождение, пригласила на вечерний ужин в честь гостя представителя греческой диаспоры. Не знаю уже по какой-то причине, скорее всего, как я думаю, из соображений политкорректности, в Федерации греческих общин Грузии, которой было направлено приглашение, на банкет решили не идти. Дело в том, что федерация тогда тесно сотрудничала с греческим министерством

по делам зарубежных греков, а бывший король, изгнанный из страны вначале «черными полковниками» в 1963 году, а спустя 11 лет отрешенный от трона уже в результате всегреческого референдума, вел в то время имущественную тяжбу с афинскими властями – думаю, именно этим было обусловлено решение федерации, от греха подальше, отдать единственный билет на вечерний ужин в патриархии журналисту, т.е. мне. По сей день благодарен за это тогдашнему председателю федерации Кириаку Иорданову, ибо имел в тот вечер честь не только поужинать в высоком обществе, но и обменяться рукопожатием с бывшим королем, а также прикоснуться губами к плечу его святейшества Католикоса-Патриарха всея Грузии.

Разумеется, были и другие встречи. По сей день ношу подаренный патриархом нательный крест, он соседствует на моей груди с простеньким маленьким алюминиевым крестиком, полученным мною много лет назад в Мцхетском монастыре Святой Ольги при крещении. Домашние говорят, что носить на груди два креста – нонсенс, но я не сдаюсь, ибо уверен – оба они пока что охраняют меня крепко...

И вот сейчас я шел к патриарху за советом по просьбе моего греческого друга. Начали разговор на русском, потом перешли на грузинский. Не мог не обратить внимания: у патриарха прекрасный русский язык, что, впрочем, менянисколько не удивило. Мне и раньше доводилось слышать его свободную, непринужденную, естественную, лишенную каких-либо шероховатостей русскую речь – отличительную и характерную черту старой грузинской интеллигенции.

Конечно же, патриарх был осведомлен о цели моего визита. Он попросил меня рассказать об Омиросе, задавал вопросы, внимательно выслушивал ответы. Неожиданно остановил меня взмахом руки:

– Я вспомнил его. Это мой прихожанин. Высокий красавец с чудесным голосом, не правда ли? Давно не видел его. Значит, он в Греции?

А на прощание сказал, как о чем-то само собой разумеющемся:

– Бодбе! Ну, конечно же, Бодбе. Монастырь святой Нино. Место, где закончился ее земной путь. Самое подходящее место!

В январе 2025 года Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй отметил 92-ю годовщину со дня рождения. Патриарх руководит Грузинской православной церковью с 1977 года. В последние годы он исполняет свои обязанности со значительными ограничениями, связанными с состоянием здоровья. Так, например, патриарх уже не возглавляет праздничные богослужения. Их проводит митрополит Сенакский и Чхороцкуйский Шио (Муджири), назначенный местоблюстителем в 2017 году.

25 декабря 2024 года члены Синода собрались на празднование 47-й годовщины интронизации Илии Второго. А еще через две недели была оглашена последняя Рождественская эпистола грузинского патриарха, прямо перекликающаяся с нынешними политическими событиями в стране. «Гордыня и эгоизм – это яркие признаки человека, отступившего от Господа. Забота друг о друге, доверие к Богу сменились упованием на себя и эгоцентризмом. Природа эгоиста и гордеца такова, что он радуется само-

му себе, лелеет свои таланты, наличие которых считает своей заслугой, сознательно или бессознательно везде и всегда старается превознести себя, тогда как сам Господа забыл и лишь механически упоминает Его имя», – сказано в Рождественском послании. Имеющий уши да услышит!

Патриаршество Святейшего и Блаженнейшего Илии Второго является самым продолжительным в истории Грузинской православной церкви. На момент интронизации 25 декабря 1977 года в Кафедральном соборе Светицховели новоизбранному главе Грузинской православной церкви было 45 лет. Сейчас без малого 93.

Илия Второй, в миру Ираклий Гудушаури-Шиолашвили, родился 4 января 1933 года, он стал четвертым ребенком в семье Георгия Шиолашвили и Натальи Кобаидзе, которые с 1927 года проживали во Владикавказе. В 1952 году Ираклий Шиолашвили окончил в столице Северной Осетии среднюю школу №22. Будущему патриарху было 20 лет, когда умер Сталин. Позднее он вспоминал, как искренне представители Церкви оплакивали смерть диктатора в марте 1953 года. Что и говорить, в последние годы жизни вождь стал милосерднее к духовенству. Достаточно вспомнить, что Католикос-Патриарх всея Грузии Калистрат, наряду с партийным руководителем республики Кандидом Чарквиани и предсовмина Захарием Чхубианишвили, был в числе тех немногих представителей грузинской элиты, кому в конце 1940-х годов по распоряжению свыше были пожалованы только что сошедшие с конвейера Московского автозавода имени Сталина новенькие правительственные автомашины ЗИС-110.

В 1957 году Илия Шиолашвили стал выпускником Загорской духовной семинарии, а в 1960-м – Загорской духовной академии. Отсюда и прекрасное знание русского языка. За сочинение на тему «История Афонского Иверского монастыря» ему была присуждена степень кандидата богословия. Говоря об этой страничке своей био-

графии, Илия Второй вспомнил однажды о том, как сокурсники приносили ему на проверку свои работы по русскому языку и как однажды он обнаружил в одном из сочинений... 99 ошибок.

16 апреля 1957 года в возрасте 24 лет, с благословения Католикоса-Патриарха всея Грузии Мелхиседека Третьего, студент второго курса духовной семинарии принял монашеский постриг под именем Илия – в честь святого пророка Илии.

Католикос-Патриарх вспоминает, что после окончания академии в Загорске ему предложили вести научную деятельность в этом престижном учебном заведении и одновременно читать лекции. Сделано это было, разумеется, с благословения тогдашнего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Первого – факт, свидетельствующий о том, какие большие надежды на него возлагались в России. Но сам Илия Шиолашвили стремился домой, в Грузию. Как поступить? Ответ на этот вопрос был получен во время аудиенции, которую дал в Тбилиси выпускнику академии тогдашний Католикос-Патриарх всея Грузии Ефрем Второй. «Поступай так, как подсказывает сердце, сын мой», – сказал, по свидетельству самого Илии Второго, тогдашний католикос. Сердце давало однозначный ответ – Илия Шиолашвили возвращается в Грузию.

На родине будущий патриарх был рукоположен в епископы Батумские и Шемокмедские 26 августа 1963 года. «Аджария – моя первая любовь, именно там я впервые осознал значение слова «паства», – вспоминает Илия Второй. Для него это были незабываемые годы – радостные и вместе с тем сложные, тревожные... Значительная часть населения Аджарии исповедовала магометанство, но появлялось все больше людей, изъявлявших желание перейти в православную веру. Впрочем, дело это было сугубо добровольное – было бы ошибкой, считает патриарх, форсировать процесс. Молодой настоятель батумской церкви Святого Николая прекрасно это понимал. И тем не менее делал все, чтобы христи-

анская вера в Аджарии укрепляла свои позиции. Он говорит, что иной раз люди обращались к нему с просьбой провести обряд крещения даже ночью... Тем временем гонения на Церковь продолжались. Дело дошло до того, что при Ефреме Втором власти попытались закрыть даже церковь Святого Давида на горе Мтацминда, где расположен Пантеон выдающихся политических и общественных деятелей Грузии. Этому решительно воспротивился тогдашний архипастырь: «Пока я жив, церковь Святого Давида будет неприкосновенна», — занял твердую позицию Ефрем Второй.

Это был очень тяжелый период в жизни Грузинской православной церкви. Но и надежда на лучшее будущее теплилась. Отменялись даже победы: так, Ефрему Второму удалось добиться открытия богословских курсов. Впоследствии они были преобразованы в семинарию, а затем и в духовную академию. Первым ректором курсов, а затем и Мцхетской духовной семинарии (с 1963 по 1972 гг.) стал Илия Шиолашвили.

К религии в ту пору обратились немало молодых людей. У многих сохранился в памяти курьезный случай, когда учиться в духовной семинарии выразил желание какой-то комсомольский активист, райком же комсомола, в котором он числился, переслал его учетную карточку

члена ВЛКСМ в... духовную семинарию. Разразился скандал.

После кончины Католикоса-Патриарха всея Грузии Давида Пятого 9 ноября 1977 года, в соответствии с решением Священного Синода, Илия Шиолашвили был назначен патриаршим местоблюстителем. Усопший Давид Пятый не делал секрета из того, что желает видеть своим преемником Илию Шиолашвили. Согласно традициям Грузинской православной церкви, патриархом становится лицо, названное в завещании действующего патриарха, если же такого завещания нет, либо имя преемника в нем не упоминается, вопрос о будущем патриархе решается на Церковном соборе. Завещание Давида Пятого, в котором патриарх называл имя своего преемника, странным образом исчезло. Когда и каким образом — разумеется, никому не было известно. Между тем пропавшее завещание не представляется столь уж таинственной, если учесть, что определенные службы вовсе не были заинтересованы в том, чтобы Грузинскую церковь возглавил молодой энергичный митрополит. Разнообразные достоинства Илии Шиолашвили вкупе с вновь обретенной высокой должностью могли бы представлять реальную угрозу тогдашнему режиму. И можно допустить, что исчезновение завещания покойного патриарха было лишь эпизодом в цепи возможных интриг, призванных воспрепятствовать его избранию.

Как бы то ни было, завещание исчезло — и теперь возвышение молодого митрополита зависело от воли Церковного собора.

Наверное, еще никогда в Грузии подобные мероприятия не сопровождалось столь напряженным ожиданием. Среди молодежи, в особенности среди студенчества, началось брожение: ходили слухи, что избранию Илии Шиолашвили власти могут воспрепятствовать.

Как вспоминают очевидцы, двор кафедрального собора Светицховели давно не видел такого стечения народа, как в день тех выборов. Люди с нетерпением ожидали вердикта Церковного собора. Наконец

он был вынесен: Католикосом-Патриархом всея Грузии был назван Илия Шиолашвили, ставший главой Грузинской православной церкви под именем Илии Второго. Собор проявил мудрость, избрав преемником Давида Пятого именно того человека, которого усопший патриарх желал видеть на этом месте.

К моменту восшествия Илии Второго на патриарший престол грузинскую партийную организацию уже в течение пяти лет возглавлял Эдуард Шеварднадзе. И многие в Грузии в ту пору задавались вопросом: как сложатся взаимоотношения этих двух во всех отношениях неординарных личностей? Любопытный эпизод произошел на заседании бюро ЦК Компартии Грузии. Один из членов бюро, как рассказывают, обеспокоенно заявил: «Вот, товарищи, вы все жаловались, что среди нашего духовенства одни серости, нет ярких личностей. Новый патриарх Илия — яркая личность. Но скажите: разве нас это может радовать?»

Трудно сказать, обрадовало или огорчило тогдашних партийных руководителей восхождение на патриарший престол Илии Второго, но не считаться с его все усиливавшимся влиянием они уже не могли.

Католикос-Патриарх вспоминает: «С тогдашним первым секретарем ЦК Компартии Грузии Эдуардом Шеварднадзе мы лично не были знакомы, никогда с ним не встречались и лишь с определенного расстояния наблюдали друг за другом. Хотел бы подчеркнуть, что даже в то сложное время Церковь чувствовала его внимание и поддержку. От него исходило понимание той выдающейся роли, которую сыграла православная религия в истории Грузии». 9 апреля 1989 года стало не только днем трагедии и скорби, но и днем возвышения грузинского народа. Молодые люди, погибшие при разгоне мирного митинга у Дома правительства в Тбилиси, словно бы взывали к патриотическим чувствам народа, поднимали его на борьбу за восстановление государственной независимости.

Католикос-Патриарх Илия

Второй до самого последнего момента оставался рядом с митингующими, всем памятно его предостережение о надвигающейся опасности, с которым он обратился к молодежи на проспекте Руставели.

«И хотя я призывал участников митинга укрыться за стенами Кашветской церкви, по-человечески я, конечно, чувствовал и понимал, что с митинга они не уйдут», — скажет впоследствии Католикос-Патриарх. Он добавит однако, что после 9 апреля к нему обращались многие молодые люди, которые, как выяснилось, вняли его совету, укрылись за стенами Кашвети и тем самым избежали опасности. И вот с момента интронизации Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии Второго прошло почти 48 лет. Что сделано за это время? Первое и главное — то, что в результате усилий грузинского архипастыря Вселенское патриаршество в Константинополе обнародовало историческую грамоту о признании автокефалии Грузинской православной церкви.

Именно в годы патриаршества Илии Второго к лику святых Грузинская церковь причислила Илию Праведника — великого Илью Чавчавадзе, Забулона и Сусанну — родителей Святой Нино, замученных турками в Аджарии иноков и инокинь, Католикоса Самуила I и многих других. Спустя столетия были восстановлены Гелатская духовная академия и находящаяся под эгидой церкви Гелатская академия наук.

После восстановления независимости в Грузии произошло масштабное возрождение православия, количество епархий увеличилось до 42-х. В 1977 году в Грузии было только 48 действующих храмов, сейчас их около тысячи.

С благословения Илии Второго были изданы на современном грузинском языке Библия, учреждены церковные газеты и журналы, печатаются календари, в эфире — радио патриаршества «Иверия», ведет вещание телеканал «Эртсуловнеба» («Единодушие»). Илия Второй является самым многодетным крестным отцом в мире. Тради-

Вадим Анастасиади на аудиенции у Католикоса-Патриарха всея Грузии

ция лично крестить третьих и последующих детей в грузинских семьях была введена патриархом в 2008 году. Сейчас у него десятки тысяч крестных детей.

В 1978-1983 годах Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй занимал пост президента Всемирного совета церквей. Он удостоен высших наград патриархов Антиохии, Иерусалима, Александрии, России, Греции, Болгарии, Румынии и почти всех православных церквей мира. Нью-Йоркская духовная академия присвоила ему почетное звание доктора богословия. Начало XXI века ознаменовалось двумя важнейшими событиями в жизни Грузинской православной церкви. Во-первых, было подписано конституционное соглашение между церковью и государством. Во-вторых, завершилось строительство собора Святой Троицы в Тбилиси. Его открытие было приурочено к 2000-летию юбилею Рождества и 1500-летию автокефалии. Собор вписался в тбилисский ландшафт столь же быстро, сколь и появился — кажется, будто он возвышается на этом месте, открытом взорам горожан, уже многие годы. Заметим попутно, что львиную долю средств на строительство собора выделил бизнесмен Бидзина Иванишвили. В центре собора — икона Святой Троицы, написанная самим Илией Вторым. Ведь грузинский

архипастырь не только глубоко и всесторонне образованная личность, интеллигент высшей пробы, но и искусный художник-иконописец, человек с тонким музыкальным вкусом, сочиняющий церковные песнопения. «Церковь Святой Троицы является венцом церковного зодчества в Грузии. Не думаю, чтобы еще где-нибудь в мире была столь же красивая церковь Святой Троицы, как в нашей столице. Ее строительство объединило всю Грузию. И совершенно правы те, кто говорит: «Если в столь сложный период в Грузии удалось построить такой величественный храм, значит, наш народ способен на поистине великие дела», — напоминает Католикос-Патриарх всея Грузии. Последние годы возраст дает о себе знать: глава Грузинской церкви все реже появляется на службах и отказывается от зарубежных визитов. Но, несмотря на солидный груз лет, в сегодняшней Грузии нет политического лидера, который бы осмелился не только оспорить, но и просто подвергнуть сомнению то или иное высказывание патриарха. Глава Грузинской церкви традиционно каждый год занимает первое место в рейтинге общественных и политических деятелей. Его фигура возвышается над всеми. А слово, как и прежде, несет семена добра, уважения и любви друг к другу.

80 ЛЕТ ТРИУМФА

— Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Послевоенный Тбилиси, поздняя весна 1945 года. Ровно в полночь в кабинет начальника Управления по делам искусств Ростома Шадури вошел высокий, худощавый человек в темном костюме. Посетитель в течение полутора часов увлеченно рассказывал высокопоставленному чиновнику об ансамбле грузинского танца, который создал вместе с супругой. Он пел, танцевал и подробно описал всю программу своего коллектива. Все это время Шадури слушал его молча и под конец сказал: «Илья Ильич, вы так сильно хотите осуществить ваш замысел, что невозможно, чтобы это дело не вышло». Так и случилось: ансамбль, основанный стараниями двух влюбленных в свое дело людей — Илико Сухишвили и Нино Рамишвили, получил статус государственного. Ныне это самый прославленный танцевальный коллектив страны — Национальный балет Грузии «Сухишвили».

В Музее современного искусства Зураба Церетели при поддержке Банка Грузии и SOLO состоялась выставка, приуроченная к 80-летию ансамбля «Сухишвили». В экспозиции были представлены исторические фото, снятые как грузинскими, так и иностранными фотографами, исторические афиши и эскизы, а также костюмы, созданные выдающимся грузинским сценографом Солико Вирсаладзе в XX веке и директором Национального балета Грузии, худож-

ником по костюмам, внучкой легендарных основателей ансамбля Нино Сухишвили в 2000-х годах.

«Если бы не Илико, ансамбля бы не было. Когда мы только начали формировать его, многие были против, не верили, что в течение двух часов может продолжаться концерт грузинских танцев, а некоторые, по-моему, даже не хотели этого. Илико был явлением, говорю так не потому, что он был моим супругом. Он был врожденным импресарио, настоящим дипломатом,

очень мягким, добродушным человеком, но принципиальным в своем деле. Мы очень дополняли друг друга. Когда мы познакомились, он работал в театре оперы и балета, танцевал в грузинских операх. Я пришла туда в 1927 году — трудно представить, сколько лет прошло с тех пор. Меня удивила манера его исполнения, такого танцора я не встречала за всю свою жизнь. Мы стали вместе работать, со временем возникли чувства, мы поженились и были очень счастливы, потому что у нас были большая любовь, доверие, взаимоуважение», — так в телепередаче «Триумфатор», снятой творческим объедине-

Нино Рамишвили и Илико Сухишвили

нием «Кавкасия», Нино Рамишвили вспоминала о первых днях существования коллектива.

Знаменитые отечественные фотографы Александр Сааков, Юрий Мечитов и Бадри Вадачкория на протяжении многих лет создавали бесценный документальный материал, отображающий различные этапы творчества ансамбля, его многочисленные гастроли. Эти уникальные фотографии легли в основу богатейшего архива «Сухишвили», и многие из них были представлены в экспозиции. Например, серия черно-белых снимков, на которых запечатлен процесс работы над новыми танцами. На одном из снимков мы видим, как в репетиционном зале двое танцоров с мечами и щитами в прямом смысле парят в воздухе, а Нино Рамишвили эмоционально указывает своим подопечным, как исполнять танец «Мхедрули»; на другом фото члены ансамбля уже одеты в национальные костюмы и готовятся выйти на сцену, Нино идет между рядами танцоров, дает последние напутствия; еще один снимок показывает Нино Рамишвили и Тенгиза Сухишвили, когда они находятся за кулисами и с волнением следят за выступлением ансамбля. В другом зале выставлены фотографии, иллюстрирующие новейшую историю коллектива, — это работы Ирины Абжандадзе, Беки Джавахишвили и др. «Это наша «внутренняя кухня», репетиционные залы и зритель может видеть, как Илико-младший ставит танцы, а Нино Сухишвили создает костюмы для новых проектов. Несколько фотографий, висящих в ряд, представляют символ ансамбля — это танец «Хоруми», поставленный Илико Сухишвили», — отметила бывшая танцовщица ансамбля, ныне руководитель Академии Сухишвили Нино Шарашидзе в передаче телеканала «TV Пирвели». По ее словам, несколько десятилетий назад, во времена существования Советского Союза, когда для большинства граждан страны границы были закрыты, Национальный балет был единственным, кто с помощью танца знакомил иностранного зрителя с Грузией.

В отдельном затемненном зале представлены увеличенные в несколько раз эскизы Солико Вирсаладзе. С Нино Рамишвили он был знаком еще с детских лет, когда оба занимались в хореографической студии, их дружба укрепились в

1936 году во время Декады грузинской культуры в Москве. Когда Илико и Нино основали Национальный балет, Солико создал для них костюмы, он внес ощутимый вклад в успех коллектива и не раз подчеркивал, что очень ценил сотрудничество с ансамблем. «В достижении нужного эффекта мне помогает сам грузинский танец. Когда подбираю цвета для костюмов, в первую очередь вижу танец в целом», — отмечал художник. По словам Нино Сухишвили, Солико Вирсаладзе был уникальным мастером своей эпохи. Сам бывший танцор, он прекрасно знал, как нужно одевать артиста. Он фактически создал грузинский танцевальный костюм. «Никогда до него в аджарском танце женщина не надевала на голову кабахи (головной убор, который в старину носили только мужчины), никогда прежде грузинский мужчина не носил красную чоху. Существует несколько версий танца «Самайя», сегодня эталоном признана та, где девушки танцуют в костюмах, созданных Вирсаладзе. Можно смело сказать, что Вирсаладзе, вместе с Нино и Илико, был одним из создателей ансамбля», — отметила Нино Сухишвили. Сама Нино Рамишвили считала, что Солико был гениальным художником, с утонченным вкусом и великолепной способностью сочетать цвета. «Этот человек на протяжении двадцати лет в Москве, в Большом театре, один оформлял балетные спектакли. Если бы он не был таким незаурядным, разве грузина держали бы в Большом театре двадцать лет? Это говорит о многом», — отмечала она.

Естественно, главное внимание зрителей было направлено на сценические костюмы. Большинство почитателей творчества ансамбля знакомы с их знаменитыми танцами «Картули», «Ачарули», «Симд». Но, помимо них, существует огромное множество танцев, поставленных легендарными хореографами, и костюмы для этих танцев смело можно причислить к произведениям искусства, с такой филигранной точностью деталей они созданы. Вот неполный перечень эскизов и костюмов для различных танцев, выставленных в музее: «Казбегури», «Давлури», «Ачарули», «Картули», «Садарбазо».

Примечательно оригинальное решение костюмов для танца «Азербайджанский», которые Солико создал в 1960-

Танец «Самая»

х годах: черно-бело-желтая цветовая гамма, пуговицы золотистого цвета, жемчужины, свисающие с головного убора, изящные желтые цветочки на поясе женщины. Особой роскошью отличаются костюмы для танца «Садарбазо», созданные в 1978 году. Само слово «садарбазо», примененное в контексте одежды, означает «парадное платье», и костюмы действительно оправдывают свое название. У зрителя, рассматривающего их, создается полное впечатление, что это княжеское одеяние.

Отдельное место в экспозиции занимало платье светло-синего цвета, усыпанное разноцветными камнями, с головным убором, также украшенным камнями красного и синего цвета. Помимо эстетической красоты, этот костюм имеет большую историческую ценность: в таком платье Нино Рамишвили танцевала свой знаменитый «Джейран» на сцене театра «Ла Скала» в октябре 1967 года, костюм создан в 1952 году. «Посетители думают, что это только музейные экспонаты, но это не так, мы танцуем в них, некоторым из них по 40-50 лет, есть костюмы, которые обновлены, но созданы на основе старых эскизов. Каждый профессиональный танцор в Грузии мечтает выступать в «Сухишвили» и надевать эти платья», — отметила Нино Шарашидзе. По ее словам, костюм с красивейшими аксессуарами из серебра к танцу «Абхазури», поставленному Нино Рамишвили, был также сшит Солико Багратовичем. В настоящее время этот танец входит в репертуар почти всех ансамблей Грузии.

Специального костюма для танца «Ачарули» не существовало, его исполняли в обычном платье для грузинского танца. Именно Вирсаладзе создал костюм для этого танца, и разноцветный пояс на женском платье пользовался такой популярностью у зрителей, что в Париже женщины с восторгом «подхватили» его и, вдохновленные творчеством Солико, стали носить широкие пояса на бедрах.

«К 800-летию юбилею Шота Руставели в 1966 году Илико и Нино поставили танец под названием «Взятие крепости Каджети» — в экспозиции представлен костюм Нестан-Дареджан с плащом и короной, украшенный благородными камнями. Это все сделано вручную. Тогда все костюмы разрисовывались вручную, Солико любил сам красить ткани и получать желаемый оттенок цвета. Когда шились костюмы, вся труппа ездила на примерки в Москву, в Большой театр, где работал Солико», — рассказала Нино Шарашидзе. По ее словам, из костюмов, созданных Нино Сухишвили, выделяется женское платье для танца «Джута», поставленного в 2000 году, — костюм в красно-черных тонах с черной папахой. «Когда Нино надела нам на головы папахи, это вызвало бурю негодования во всей Грузии — как это, грузинская женщина носит папаху! Однако вскоре шапка приобрела такую популярность, что сегодня даже в детских ансамблях девочки носят этот головной убор. Ансамбль «Сухишвили» всегда выступал как законодатель мод и, соответственно, принимал на себя

шквал критики со стороны публики. До сих пор каждое новшество воспринимается людьми очень тяжело», — отметила Нино Шарашидзе.

В деревянных рамках были выставлены разноцветные «багдады» (квадратные шелковые платки, которые в старину женщины использовали в качестве накидки, «багдадами» также называли большие шелковые мужские платки), созданные рукой Солико Вирсаладзе в самые ранние годы существования ансамбля. Этот сценический реквизит используется в различных танцах. В танце «Джейран» вместе с Нино Рамишвили выступали танцоры в черных костюмах карачогели, которые держали в руках именно эти платки. «Мы решили, что они настолько красивы и уникальны, что должны быть доступны для всех желающих, поэтому выпустили серию «багдадов», аналогичных тем, которые представлены в экспозиции», — пояснила Шарашидзе.

Посетители могли посмотреть афиши концертов ансамбля в миланском театре «Ла Скала», оперном театре Женевы, оперном театре Джузеппе Верди в Триесте, оперном театре «Ла Фениче» в Венеции и др. Примечательно, что за всю историю существования легендарного театра «Ла Скала» фольклорный ансамбль выступил на этой сцене один-единственный раз — это был концерт «Сухишвили». Это был триумф: занавес открывался рекордное количество раз (14!), и танцоров без конца вызывали на бис.

На большом экране в выставочном зале демонстрировались кадры кинохроники выступлений коллектива в различных странах мира и фрагменты репетиций... Это была эпоха, созданная Илико Сухишвили и Нино Рамишвили. Затем коллективом руководили их сын и невестка — Тенгиз Сухишвили и Инга Тевзадзе, а сегодня семейную традицию успешно продолжают внуки — Илико и Нино Сухишвили. По словам Н. Шарашидзе, эта выставка вызвала настолько большой интерес у публики, что руководители ансамбля приняли решение создать музей «Сухишвили», чтобы ценители в любое время имели возможность увидеть эти уникальные костюмы, афиши и фотографии.

Шалва Ахсабадзе, Александр Кутатели, Сандро Шаншиашвили, Александр Бокерия и Сергей Есенин. Тбилиси. 1925

ВЕК БЕЗ ПОЭТА

Последний год своей жизни Сергей Есенин встретил в Грузии.

С сентября 1924 г. до конца февраля 1925 г. он жил в Тифлисе и Батуми. Здесь были написаны поэмы «Анна Снегина» и «Цветы», стихотворения «Капитан земли», «Стансы», «Русь бесприютная», «Письмо к женщине», «Памяти Брюсова», «К матери», «К сестре», «К деду», 11 стихотворений из цикла «Персидские мотивы» и многое другое. Он много печатался в газете «Заре Востока», заключил с издательством договор на издание книги, дал согласие стать редактором литературного приложения к «Заре Востока»...

По словам поэта, в Грузии он открыл в себе новые силы. Вернувшись в Москву, Есенин пишет Тициану Табидзе: «Милый друг Тициан! Вот я и в Москве. Обрадован страшно, что вижу своих друзей, и вспоминаю и рассказываю им о Тифлисе. Похождения наши здесь уже известны вплоть до того, как мы варили кепи Паоло в хаши. Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас... В Тифлисе, вероятно, будет целый съезд москвичей. Собирается Качалов, Пильняк, Толстая и Вс. Иванов. Бабель приедет раньше. Уложите его в доску. Парень он очень хороший и стоит гостеприимства. Спроси Паоло, какое нужно мне купить ружье по кабанам. Пусть напишет №. Передай привет всем моим добрым друзьям – Паоло, Робакидзе, Леонидзе и Гаприндашвили. Поцелуй руку твоей жене и дочке и, если не трудно, черкни пару слов».

Увы, ничего из задуманного не сбылось. Поэт не вернулся в Грузию. Не обнял своих грузинских друзей. Не издал книгу в Тифлисе. Не перевел Важа Пшавела... 28 декабря 1925 года, в пятом номере гостиницы «Англетер» в Ленинграде поэта обнаружили мертвым. В петле. Версия самоубийства была сформулирована однозначно и безраздельно господствовала в общественном сознании и литературе о Сергее Есенине более 60 лет. Однако сторонники целого ряда альтернативных версий (а такие версии возникли сразу же после гибели поэта) обоснованно и доказательно утверждают: Есенин был убит.

Точка в трагической истории гибели Есенина не поставлена...

«НЕ ЗВОНИ МНЕ, КАКТУС», ИЛИ КАК РЕНАТА ЛИТВИНОВА ПОКОРИЛА ТБИЛИСИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В ноябре на арт-небосводе грузинской столицы вспыхнула еще одна звезда: культовая актриса и режиссер Рената Литвинова привезла в Тбилиси своего «Кактуса». Два аншлаговых вечера прошли на сцене Тбилисского государственного русского театра имени Грибоедова – ни одного свободного места, ни единого лишнего звука в зале. Тбилиси, затаив дыхание, слушал историю любви, рассказанную Ренатой Муратовной, и наслаждался ее неподражаемым шармом.

«Я ПОЛЮБИЛ ВАС НАВСЕГДА»

«Любовь уходит почти ото всех, но не от меня», – говорит со сцены Женщина, задавая тон всей постановке: тон уязвимо-

сти, чувственности и женской силы. На первый взгляд – знакомая всем рутина отношений: одиночество, ожидание, абьюз. Но в этот мир быстро вторгается фантастический элемент – кактус, в котором внезапно оживает мужчина.

Он появляется со своим баритоном и чарующим французским, и зал сразу подпадает под его чары. «Я люблю вас. Я полюбил вас навсегда», – признается колючее существо своей Волшебнице. На этом литвиновский антропоморфизм не заканчивается: по сцене величаво кружит огромный голубь человеческого роста. Он ворчит: «Ты что, влюбился в Волшебницу, глупый кактус?» И тут же получает ответ: «А ты – в кошку?»

Говорящий голубь зовет ге-

роиню Волшебницей не случайно: она живет на этой земле дольше других, с детства умеет летать под потолком, способна перематывать и разбирать свои сновидения, а недавно оживила суккулент – и, кажется, сделала его своим возлюбленным.

Красной нитью через спектакль проходит тотальное одиночество и болезненная зависимость от мужчины – того самого, невидимого, но единственного, из-за которого Волшебница и обращает внимание на кактус. «В каком же надо быть отчаянии, чтобы поцеловать кактус?» – восклицает голубь. И тут же поясняет: «Но ведь любит она другого. Она поцеловала тебя, потому что думала, что ты – это он».

На сцене появляется новый

незримый персонаж – Он. Тот, кого Волшебница любит безответно, ждет годами, о ком мечтает в каждую длинную ночь. Зрителю легко считывать этот болезненный круг: «Я всегда звонила первой», «Я потеряла себя», «Меня разлюбит так же резко, как полюбил». И, конечно, невозможно не сопереживать маленькой, тонкой, почти беззащитной женщине, которая жаждет любви так же сильно, как воздуха.

«Эта пьеса была написана в полном отчаянии – счастли-

графическая нота в спектакле звучит вполне отчетливо. Есть в постановке и доля эротизма: поцелуи в колючки кактуса, ее легкие укусы, признание «Я люблю об тебя колоться – это приятная боль».

На сцене царит лаконичность: условная квартира, кушетка, комод, дверь, окно, странная сюрреалистичная люстра и – огромный экран, показывающий, что происходит в голове героини. Помимо драмы и фантазийного сюжета, «Кактус» предлагает зрителю чудной юмор, щепотку

в январе 2023 года, на сцене театра Эберто, где ставили пьесы Кокто, Ануя, Камю, Уайльда, играли Саша Гитри, Жан Маре, Жерар Филип. Затем спектакль показали в Таллинне, Лондоне, Лимасоле и Дубае.

Приятный подарок зрителям – музыка Земфиры, многолетней подруги Литвиновой. А костюмы – изысканные и концептуальные – создал Демна Гвасалия, ныне креативный директор Gucci. «В этом спектакле костюмы так много берут на себя – они уже полноценная часть истории, – говорит Литви-

Нани Брегвадзе и Рената Литвинова

вые люди вообще не склонны к творчеству», – говорит Рената Литвинова. – Героиня любит – и кому-то она покажется безумной. Но я, автор, выбираю любовь как чудо, как сказку, которая дает всемогущество над жизнью».

РЕНАТА ТАКАЯ РЕНАТА

В Тбилиси Литвинова сыграла в своем фирменном стиле – экзальтированно, свободно, эстетски. Она в самом деле икона, дива, вобравшая черты всех фатальных женщин «золотого века Голливуда».

Любопытно, ее героиня вспоминает школьные комплексы из-за своего высокого роста, одиночество юности – то, о чем Рената не раз рассказывала в интервью. Так что автобио-

мата, легкую самоиронию и милый, почти игривый декаданс.

Постановка избегает прямых политических реплик, но намеки считываются мгновенно: мужчина, которого ищет героиня, ушел «туда, где убивают», а до начала спектакля из старого транзистора звучат тревожные военные сводки.

ВСЕЛЕННАЯ РЕНАТЫ С ПАРИЖСКИМ АКЦЕНТОМ

Хотя «Кактус» нередко называют моноспектаклем, Литвинова на сцене не одна. С ней играют француз Эрик Ложерья (Eric Laugérias) и Елена Терентьева. Но львиная доля действия, конечно, принадлежит Ренате – она автор текста, режиссер и исполнитель главной роли.

Премьера прошла в Париже

нова. – Иногда мне кажется, что можно просто ходить и молчать: наряды все скажут за меня».

«Кактус» – не первый театральный опыт Ренаты. В 2017 году она поставила в МХТ спектакль «Северный ветер», затем – «Звезда вашего периода». В кино же она давно стала важной фигурой: работала у Киры Муратовой, Митты Балабанова, Хамдамова, писала сценарии к культовым фильмам и снимала свои собственные.

И все же главное – ее уникальная эстетика. Литвинова не для широкой аудитории: она слишком нишевая, слишком изысканная, слишком Литвинова. Но именно это и привлекает. Публика любит ее не за концептуальный авангард, а за образ – созданный когда-то и годами доводимый до совершенства.

Валерий Харютченко

БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Бывают странные сближения... Хочу рассказать об одном из таких удивительных примеров: встреча случилась в ноябре нынешнего года на XXIII Московском международном театральном форуме «Золотой витязь». А «сближение» произошло между двумя артистами — русским, приехавшим из грузинской столицы — Тбилиси, и польским, прибывшим из американского Лос-Анджелеса. Оба представили на фестивале «Золотой витязь» — уже 35 лет он проходит под девизом «за нравственные идеалы, за возвышение души человека» под руководством актера, режиссера, писателя, поэта, общественного деятеля Николая Бурляева — свои авторские поэтические моноспектакли, в которых важнейшей является вертикаль: Земное и Небесное.

Каждый поэт — островитянин, а его творчество — остров (существует и другое, более широкое утверждение: «человек — это остров», и принадлежит оно английскому поэту и священнику Джону Донну, жившему в XVI-XVII веках). И каждый актер, работающий в жанре моно,

— тоже обособленный «участок земли». Будучи «публично одиноким» в своем уединенном художественном пространстве, он мыслит и чувствует по своим особым законам — и вовлекает в эту орбиту зрителя. Внимательно, растворяющегося в исполнителе — в своем собеседнике и друге. Именно это происходило на моноспектаклях Валерия Харютченко (Грузия) и Марека Пробоша (США).

«ЧУЮ РАДУНИЦУ БОЖЬЮ»

Поэтическое представление актера, режиссера, автора пьесы о Есенине Валерия Харютченко, показанное в камерном пространстве легендарного Центрального дома работников искусств, называется так — «Чую Радунцу Божью» (преьера состоялась 26 октября на Грибоедовской сцене, проект МКПС «Русский клуб» при поддержке Секции интересов Российской Федерации в Грузии), по первой строке раннего стихотворения поэта, в котором Сергей Александрович выводит образы Спасителя, Богоматери и святых. Оно становится камертоном для всего спектакля, в котором отражено,

как постепенно разрушаются целомудрие и духовная чистота поэта под воздействием земных страстей и тяжелых жизненных обстоятельств, как остро переживает он утрату «несказанного света» своей души, как жаждет вновь вернуться в «потерянный рай» детства, когда он был еще ничем не замутнен — ни страданиями, ни пороком. «Молитва» композитора Александра Харютченко передает состояние духовного подъема и божественной радости.

О таких людях, как Сергей Есенин, говорят: поцелован Богом. Это дар и тяжелый крест. В своем моноспектакле «Чую Радунцу Божью!», посвященном 130-летию русского классика, Валерий Харютченко показывает путь Творца — пробуждение души, осознание своего предназначения, сложные, драматичные коллизии его судьбы, взлеты и падения, потери и обретения, одиночество и любовь. Мы видим напряженную, полную противоречий жизнь Сергея Есенина, поиск им гармонии в Боге и погружение в хаос саморазрушения. Все это отражено в гениальной поэзии. Автор спектакля пропускает судьбу поэта через свой человеческий, духовный опыт, ощущая сопричастность, внутреннюю связь с ним. Об этой глубинной связи Харютченко говорит в зачине, и тем же он завершает свою сценическую исповедь: «Сергей Есенин, 130 лет. Поэт со мною, со всеми нами — и навсегда. Горит на небе его звезда — звезда-лампада. Звенит струна».

По мысли Валерия Харютченко, поэт рождается из предчувствия — предчувствия чего-то необыкновенного. Это метафизический, трансцендентный процесс: «Надо мною мерцали мириады звезд, и вот ко мне начала приближаться огненная точка, она росла, и вместе с ней рос гул, казалось, она расщепляет на атомы все сущее, расщепляет меня самого — мой мозг, мое тело, мою душу, и огромный черный шар накрывает меня собой, и капельки божественной росы окропляют мое бренное тело. Сон или явь, явь или сон?...» Это начало пути поэта, а впереди — неизвестность и тревожные предощущения.

«Серебристая дорога, ты зовешь меня куда?» – вопрошает Сергей Есенин, вглядываясь в будущее. В руке у него – зажатая свеча, словно освещающая его путь...

Судьба поэта в жестоком, сложном и непредсказуемом мире – одна из главных тем спектакля. Жизнь Есенина неразрывно связана с драматичной, полной взлетов и падений, историей России. Философско-нравственный аспект спектакля выражен не только в поэзии Есенина, но и в отступлениях автора и постановщика, его размышлениях о жизни и смерти, об ответственности человека за каждый совершенный поступок. Эти прозаические отступления – связующая нить поэтического повествования Валерия Харютченко. Впечатляет емкий метафорический образ черного колодца, который находится под каждым человеком. «Один неверный шаг – и ты катишься в тартарары, в бездну». Трагический разлом судьбы Есенина – итог его ошибок и заблуждений. Мы видим, как от сцены к сцене сгущаются краски. Чувством безысходности проникнуты строки из поэмы «Пугачев»: «Экий дождь, экий скверный дождь, скверный, скверный...». «Кричащие антропоморфические пейзажи с каскадами метафор,

передающие экспрессионистскую картину мира» (проф. В.А. Доманский), обретают в исполнении актера особую значимость и трагизм.

Прочитала в одном из источников: Сергей Есенин – «русский поэт XX века, романтик, лирик, имажинист, мастер лиричных описаний, образов и метафор». Таким мы знаем его со школьной программы – как автора шедевров «Не жалею, не зову, не плачу», «Клен ты мой опавший» и многих других. Гораздо позже стали говорить о другом Есенине, которого называли трагическим Фаустом XX столетия. Именно таким увидел и сыграл поэта Валерий Харютченко – поэта, познающего многосложный мир, высоты земные и небесные, пытающегося противостоять тому, что разрушает духовность и «гасит свет» – прежде всего, в нем самом, ведь в Есенине до последних минут его жизни шла борьба Фауста и Мефистофеля.

Апогей представления – «Черный человек». Мы становимся свидетелями болезненного раздвоения сознания героя, достигшего предельной точки боли и разочарования в мире и самом себе. Последняя и самая известная поэма Есенина разыгрывается актером виртуозно, в ярком, эффек-

ном театрализованном ключе. «Друг мой!» – первые слова поэмы герой вначале словно обращает внутрь себя – внутрь своей души. А потом бросает их в зал – это крик отчаяния. Затем мы видим самого Черного человека, так похожего на искусителей всех мастей из произведений Гете, Достоевского, Гоголя, Булгакова. Он является Есенину в черном сюртуке и котелке, глумясь над поэтом, раскрывая Сергею горькую правду о нем. На самом деле «черный» двойник – негативная, темная сторона личности самого Есенина. «И летит моя трость прямо в морду его, в переносицу!» – в ярости герой разбивает зеркало. Наносит удар не злобному и гаденному черту, а самому себе!

Но завершает спектакль не безнадежность, а свет! Тема матери и «потерянного рая» – утраченной чистоты и непорочности. Именно образ мамы воплощает для Есенина «негасимый свет» жизни, луч в непроглядной тьме реальности и омуте души. Валерий предлагает во многом неожиданную трактовку «Письма матери» – мы воспринимаем его, с одной стороны, как желание поддержать самого любимого на свете человека («Ты жива еще, моя старушка! Жив и я! Привет тебе, привет!» – Есенин пытается успокоить мать, встревоженную недобрыми слухами о сыне), а с другой – как прощание. Невероятно красивая тема Шнитке «Смерть Арлекино» наполняет душу высокой печалью.

На сцене мы видим журавля – символ света, доброты, мира, мудрости. Эту птицу считают хранительницей равновесия между небом и землей. Герой спектакля часто обращается к нему (он берет журавля в руки в сцене с Черным человеком – так утопающий хватается за соломинку). Журавль становится для него своеобразным Пегасом, воплощением поэтического вдохновения и гармонии. А еще журавль – один из «меньших братьев» Есенина. Говорят, что именно ему принадлежит ставшая крылатой фраза «братья наши меньшие». «Куры, утки, гуси, рогатые олени, журавли... Могу ли я вам чем-нибудь помочь?» – спраши-

Николай Бурляев, Валерий Харютченко, Дали Окропиридзе

вает поэт. Пронзительно звучит в спектакле «Песнь о собаке».

«РОЯЛЬ ШОПЕНА»

Если моноспектакль Валерия Харютченко – это боль русской души, то представление голливудского актера и режиссера Марека Пробоша – боль души польской (это отметил Николай Бурляев в своем отзыве на спектакль гостя из США). Каждый из них стремится к глубокому погружению в материал, к постижению поэтических и литературных смыслов, и это объединяет двух актеров.

«Воспринимаю себя как романтика, – говорит Марек Пробош. – Польская душа романтична, чувствительна, чувственна, деликатна, нежна и, одновременно, невероятно сильна и непреклонна. Романтичная душа кровоточит. И это начало нового существования, опирающегося на идеализм. Польская душа идеалистична».

Романтизм и идеализм польской души раскрылись в спектакле Марека Пробоша, состоящем из трех эпизодов. Первый был освещен личностью великого романтика – поэта-драматурга Юлиуша Словацкого. На авансцену вышел Кордиан – главный герой его одноименной политико-метафизической, байронической драмы. Индивидуалист, разочаровавшийся в реальности, бунтарь, готовый пожертвовать своей жизнью во имя родины. Начинается спектакль с того, что Марек Пробош (у артиста, кстати, великолепная не только творческая, но и физическая

форма) взбирается на вершину горы (конечно, условной, сценической) – а насыщенное звуковое оформление погружает нас в абсолютно романтическую атмосферу безудержной, неуправляемой стихии. Раскаты грома, вспышки молнии и... скрипка, символизирующая одинокую человеческую душу. Камерное сценическое пространство Другой сцены театра «Современник» удивительно подошло триптиху польско-американского артиста – в нем много воздуха.

Кордиан – Марек Пробош с вершины горы Монблан произносит страстный монолог: выражает боль за судьбу польского народа, говорит о своем решении бороться за независимость родины, осознает свою миссию – стать спасителем Польши. И здесь так хочется вспомнить слова русского философа Николая Бердяева: «Поляки внесли в мир идею жертвенного мессианизма». «Меня несут тучи, ветры. Птицы! Поляки!!!» – таким призывом завершается монолог польского Байрона.

Следом за Кордианом на сцене появляется легендарный капеллан польского профсоюз за Солидарность, католический священник, жертва коммунистического режима Ежи Попелушко, в 2009 году признанный Папой Бенедиктом XVI мучеником. В своей проповеди Попелушко говорит о свободе и побуждает к протесту: «Вы, молодые люди, должны, как орлы, обрести орлиное зрение и орлиное сердце, чтобы уметь взлететь высоко, преодолевая все

шторма истории». Таким образом, выстраивается цепочка: от Монблана – до орлиного полета. Свобода, свобода!

Настоящим потрясением стала третья глава спектакля, в которой прозвучали стихи выдающегося поэта-романтика, прозаика, драматурга, скульптора и художника Циприана Норвида в сильном, глубоко, эмоциональном исполнении Марека Пробоша. Знаменитая поэма Норвида «Рояль Шопена» была представлена им на пределе чувств. Возник удивительный консонанс театра, поэзии и музыки: мощная актерская игра и рояль, за которым талантливая пианистка Мария Андреева исполняла изысканную, трагичную прелюдию *S moll* Шопена – это было редкое взаимопроникновение, слияние Шопена и Норвида, Пробоша и Андреевой (юная Мария была подобна музе, вдохновляющей творца). Инструмент Шопена с его широким динамическим диапазоном и насыщенным резонансом стал полноправным и очень активным участником спектакля. В какой-то момент пианистка стала играть на струнах внутри рояля, что явилось неожиданным диссонансом по отношению к гармоничной музыке польского композитора.

И тут не обойтись без экскурса в историю. Поводом для создания поэмы «Рояль Шопена» стал эпизод польского восстания 1863 года, когда в Варшаве на улице Новы Свят было совершено покушение на царского наместника в Королевстве Польском Федора Берга. В него стреляли из дворца Замойских, была брошена бомба. Наместник остался жив, но были арестованы люди, находившиеся во дворце Замойских, погибли бесценные произведения искусства, реликвии польской культуры, в том числе – фортепиано, на котором играл Фридерик Шопен до отъезда из Варшавы. Произошло нечто ужасное: инструмент был выкинут из окна на мостовую... Норвид погружается в воспоминания о встречах с Шопеном, в размышления о судьбе, творчестве композитора, которого поэт считал воплощением национального духа.

Как это подает в своем спек-

Марек Пробош

такле Пробош! В его исполнении стихи Норвида действительно кровоточат, как израненная польская душа. В какой-то момент актер выходит в зрительный зал со свечой в руке, пристально вглядывается в лица взволнованных зрителей, затем – во внутреннюю часть рояля, словно стремясь постичь суть вещей, тайну музыки, искусства. В образе актера мы видим одновременно поэта Норвида и композитора Шопена. Запомнилась сцена, когда Марек Пробош показывает творческий процесс – пишет какие-то тексты (или ноты?) на больших листах, а затем рвет их в клочья... Гениальное рождается в муках. Оба национальных гения ушли из жизни молодыми, и разбитый рояль – это своего рода олицетворение гибели всего Прекрасного. Отчетливо проявляется тема смерти. В финале Пробош захлопывает крышку инструмента, тушит свечу и ложится «в ногах» шопеновского рояля. Бездыханный. Последние строки у Норвида: «Как будто – глухие камни: «Погиб идеал на брусчатке».

НАГРАДЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Оба моноспектакля были отмечены жюри конкурса театрального форума «Золотой витязь». Валерий Харютченко получил Золотой диплом фестиваля, Марек Пробош – приз «Серебряный витязь».

Другие награды фестиваля распределились так. Золотые медали им. Н.Д. Мордвинова вручили актерам Евгению Миронову и Наталье Бондарчук. «За сохранение традиций русского реалистического, психологического театра» Золотым дипломом был отмечен Владимир Машков. В номинации «Большая форма» статуэтка «Золотой витязь» досталась Мастерской «12» Никиты Михалкова за спектакль «Перед рассветом». Такую же награду получил театр Алексея Рыбникова за спектакль «Литургия оглашенных». Мастерская «Певчие дрозды» Ольги Дроздовой и Дмитрия Певцова была отмечена «Серебряным витязем». «Бронзовый витязь» отдала Нижегородскому госу-

дарственному академическому театру драмы имени М. Горького за спектакль «Живой» по пьесе Л.Н. Толстого «Живой труп». Золотой диплом форума получили Тверской государственный театр кукол (за спектакль «Рождественские сны» по мотивам библейских сюжетов), а также актеры Павел Попов и Юлия Рутберг, сыгравшие главные роли в спектакле театра имени Е. Вахтангова «Солнце Ландау». В номинации «Малая форма» «Золотого витязя» был удостоен Государственный академический театр им. Евгения Вахтангова за спектакль «Повесть о Сонечке» М. Цветаевой. Всего в театральном форуме приняли участие 33 театра, отобранные из 100 представленных на конкурс. По словам Николая Бурляева, деятельность «Золотого витязя» в перспективе будет расширяться.

Членом жюри была киновед, театровед, руководитель представительства «Золотой витязь» в Грузии Дали Окропирдзе. Ее многолетняя плодотворная деятельность была отмечена престижным Золотым дипломом форума.

– Все представленные на фестивале спектакли были высокого художественного уровня. Хочу отметить необычную, яркую музыкальную сказку «Бемби» Московского детского профессионального театра «Бемби», который возглавляет Наталья Бондарчук, спектакль «Актриса» Мастерской «Певчие дрозды», постановку «Перед рассветом» Мастерской «12» Никиты Михалкова, работу Вахтанговского театра «Повесть о Сонечке» режиссера Владимира Наставшева. Сильное впечатление на меня произвел Тверской государственный театр кукол, спектакль «Рождественские сны» в постановке Виталия Салтыкова. Уже перед началом действия театр из Твери создал атмосферу волшебства, сказки – именно такие работы воспитывают детские души, пробуждают духовность, формируют нравственные ценности. Глубокие, интересные по форме работы представили московский Театр «Мост» – «Дни Турбиных» М. Булгакова, режиссер Георгий

Валерий Харютченко и Марек Пробош

Долмазян, Вологодский драматический театр – «Жизнеоборот» В. Андреева, режиссер Сергей Закутин, Камерный театр «Диалог» под руководством Рамиса Ибрагимова, показавший спектакль «Набережная» Ю. Эдлеса. Высокую оценку заслужил моноспектакль актера из Грузии Валерия Харютченко «Чую Радунцу Божью». Восхитила работа талантливого актера, режиссера, писателя Марека Пробоша. Надеюсь, с его творчеством в будущем познакомится и тбилисский зритель.

Спасибо всем: Николаю Бурляеву, Инге Бурляевой, потрясающей команде «Золотого витязя» Наталье Запорожец, Алексею Костюченко, Владимиру Головкину, Елене Самофаловой. А еще – высокопрофессиональному жюри в составе ректора ГИТИСа Григория Заславского – он был председателем, Марека Пробоша, сербской актрисы, режиссера, сценариста Иваны Жигон, священнослужителя отца Федора, актера Василия Бочкарева. Благодарю Николая Петровича за возможность оказаться в жюри этого прекрасного форума: Бурляев делает все от него зависящее для сохранения русско-грузинских культурных взаимосвязей.

СТРАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ ВАЛЕНТИНЫ ТЕЛИЧКИНОЙ

Инна БЕЗИРГАНОВА

Имя Валентины Ивановны Теличкиной, в этом году отметившей восьмидесятилетний юбилей, стоит в кинематографе особняком. Она действительно редкая, уникальная актриса. Мне кажется, кино все-таки не до конца раскрыло Валентину Теличкину, при том, что она много лет успешно снимается. Хочу отметить еще одно: в отличие от большинства коллег, с возрастом переставших появляться на экране, Валентина Ивановна продолжает вызывать настоящий интерес режиссеров и зрителей, ярко и неожиданно проявлять себя в профессии. Видимо, есть в Теличкиной какая-то манящая загадка, ее хочется разгадывать и разгадывать, заглядывая в глубины ее души. Приоткрывается прекрасная природа актрисы не только в кино, но и в ее живописных работах — гармоничных, наполненных радостью и светом. Они обладают редким свойством — врачуют, снимают нервное напряжение и чувство тревоги, вселяют надежду и веру.

— По вашим словам, свою лучшую роль вы сыграли в фильме Сергея Герасимова «Журналист».

— Роль журналистки-курьера Вали Корольковой вывела меня в артистки, но она же подарила мне много страданий. Все же думали, что я типаж. Как будто Герасимов нашел меня где-то за прилавком. Сергей Аполлинариевич рассказывал, что встретил девушку, ставшую прототипом моей Вали, в обувном магазине. Тогда был дефицит гуталина. Герасимов подошел к продавщице и спросил: «А у вас гуталин есть?» Девушка посмотрела на него с пренебрежением и резко отвернулась. Сергей Аполлинариевич повторил свой вопрос. Девушка посмотрела на него в упор, покачала головой и сказала: «Только вас он и дожидался!» Режиссера этот персонаж просто пронзил, столько в ней было высокомерия и презрения. И Герасимову очень захотелось этот тип изобразить в кино. Начались поиски. Тамара Федорова Макарова сказала ему: «Во ВГИКе учится чудная девочка. Пригласи!» Дело в том,

что она видела мой этюд первого курса, где я играла сельскую девушку, приехавшую в город картошку продавать. К тому времени, когда Герасимов начал искать свою героиню, я уже перешла на второй курс и играла роли другого характера. Он пришел к нам на экзамен, увидел мою Таню в «Плодах просвещения» Толстого и сказал Макаровой: «Ну, зачем мне эта девушка? Она мне не нужна». Он искал другую героиню — важную, медлительную, уверенную в своей неотразимости. В итоге утвердили и сняли другую актрису, сделав с ней почти все сцены. Но Герасимов был недоволен: той героини, что он увидел в магазине, на экране не было. А Тамара Федоровна настаивала: «Позови Теличкину, она не будет в обиде, если у вас не получится». Герасимов очень бережно относился к актерам. Многие его коллеги пробуют по 50 человек, этому пообещают, тому пообещают, устанавливается контакт, ты открываешься, а потом никогда не отзванивают и снимают картину с другой актрисой. Хотя могли бы сослаться на худсовет — дескать, не разрешают, проталкивают другую кандидатуру. Многие жалуются на такое безразличие, небрежность по отношению к актерам, а меня такое отношение просто поражает. Это то, чего не было у Сергея Аполлинариевича. Я тогда только начинала, а он уже великий. И несмотря на это, Герасимов говорил: «Не хочу обижать эту девочку, если не подойдет». А я тогда снималась у Вадима Ускова и Владимира Краснополяского в своей дебютной картине «Таежный десант». И вдруг получаю телеграмму от Сергея Герасимова. Я еду, и буквально с первых минут общения со мной он звонит Макаровой: «Тамара, спасибо, что ты настояла!» Но потом, уже после выхода картины «Журналист», у меня начались большие проблемы. Не было съемочной группы, которая меня бы не приглашала. Но приглашала, как правило, сыграть такую же Валу Королькову. Я, конечно, отказывалась.

— Хотя у Глеба Панфилова в знаменитом «Начале» вы все-таки сыграли что-то близкое к героини-

не герасимовской картины.

— Там хотя бы история моей героини другая. То, что предложил Панфилов, — шедевр. А с другими было иначе: ну, пройдет, посидит, скажет два слова. Я все время говорила режиссерам: «Дорогие мои, Валю могу повторить, только если мне это предложит Герасимов. Ни у кого из вас играть персонаж из «Журналиста» я не буду». Это длилось два года, я заканчивала учебу. И вдруг Борис Владимирович Яшин предложил мне сняться в фильме «Осенние свадьбы». Чудесная картина, чудесная история! После того, как меня утвердили в эту картину, закончилось мое унижительное хождение по пробам. Фильм прозвучал, Борис Яшину на XXI международном кинофестивале в Локарно, Швейцария, был присвоен приз «Бронзовый Леопард» «за лучшую работу молодого режиссера, за искренность, с которой авторы воплотили на экране простую трогательную историю». И тогда уже сняты были вопросы о том, актриса я или просто типаж. Меня стали приглашать интересные режиссеры. И одно из приглашений я получила от Эльдара Шенгелая. Я тогда еще обитала в общежитии, рядом с комнатой, где жили грузины — Сосо Чхаидзе, снявший известный фильм «Пастухи Тушетии», будущий сценарист, режиссер Ираклий Квирикадзе. В гости к ним приходил никому еще не известный Резо Габриадзе. Ему посоветовали: «Дай почитать свой сценарий нашей

русской соседке — она тебе сделает подсказки». И Резо дал мне посмотреть свою повесть для кино «Необыкновенная выставка, или Паросский мрамор», а через месяц ему присудили за нее главный приз на каком-то конкурсе. Потом из этого родился фильм. Габриадзе выяснял у меня, как выразилась бы о том или другом русская женщина. Мы много хохотали — он с грузинского как бы переводил на русский. С этого началось наше знакомство с талантливым сценаристом и художником. Я снималась в «Журналисте», а Шенгелая утвердил на главную женскую роль в «Необыкновенной выставке» Галину Польских. Галя уже снялась в половине фильма. И вдруг мне звонит Резо и предлагает встретиться с Эльдаром. Я пришла к ним сочувствовать, потому что узнала: Галя не будет сниматься. «Я так не могу! Вы с ума сошли?» — сказала я в ответ на предложение заменить Польских. Но меня сразу успокоили: «Она отказывается сама, потому что забеременела! Галине будет трудно, она не хочет рисковать». — «Позвольте, я ей позвоню». Я хотела узнать все от самой Гали. Позвонила и услышала: «Валюш, ты меня только выручишь. Они в шоке, ведь уже снято полкартины». Таким образом я получила добро. Удивительно, что роль Глафиры после нашего необычного знакомства с Резо все-таки пришла ко мне. На этом примере еще раз поняла — все решается наверху. Я сразу снялась у

двух таких сильных режиссеров. Шенгелая тогда уже выпустил свой замечательный фильм «Белый караван». Эльдар — это чудо. В нем было столько тепла, искренности, доброжелательности. Он сразу располагал к себе. Съёмки в картине «Необыкновенная выставка» стали для меня сплошной радостью, но и напряжением тоже. Потому что параллельно я снималась у Эльдара Рязанова в комедии «Зигзаг удачи».

— *Каким на съёмочной площадке был Эльдар Шенгелая?*

— Я была потрясена, что в нем абсолютно нет снобизма, спеси, ощущения того, что он главный человек на съёмочной площадке. К этому времени я уже снималась у молодых режиссеров, которые на площадке крепко держались за свой режиссерский стул. Если возникала какая-то проблема, то непременно начинался крик: быстро, немедленно исправить! Совсем иначе вел себя Шенгелая. Если, к примеру, что-то вышло из строя, сломалось, отлетело, он никогда не ждал никого, не кричал, не требовал, чтобы кто-то немедленно появился и что-то поправил, починил. Сам старался решить проблему, брал в руки молоток, гвозди — и вперед! При всей своей мужественности Шенгелая был очаровательным, нежным человеком, хотя, конечно, мог и взорваться. А иногда я замечала, что с утра участники нашей съёмочной группы разговаривали между собой очень эмоционально, создавалось впечатление, что они ссорятся. «Что же вы с утра ругаетесь? Как это можно перед съёмкой?» — спрашивала я Эльдара. «Когда? — удивлялся он. — Нет, Валечка, мы не ругаемся — мы просто так разговариваем!» А я-то думала, что ругаются, и переживала, чтобы не подрались. Оказывается, зашкаливали эмоции! Я была влюблена в съёмочную группу: Василий Исаакиевич Чхаидзе, Гурам Лордкипанидзе — чудо какое-то, а не люди. Ко мне все очень хорошо относились, особенно Эльдар, да и друг к другу точно так же. К Шенгелая многие были равнодушны, а он весь отдавался работе. Тогда у него с первой женой, актрисой

«Журналист»

«Необыкновенная выставка»

Ариадной Шенгелая, только родилась вторая дочь — Катя. Эльдар приходил на съемки, и на майке иногда были заметны остатки каши: он кормил свою девочку и бежал на съемки. Это было очень трогательно. Художником по костюмам работала Гуля Жоржоладзе. Я говорила ей: «Гулечка, что же вы режиссеру не постираете, не выгладите маечку, запас не сделаете?» Так потом и стали поступать. А лучистые глаза Эльдара? Его просто не с кем сравнить...

— Вы вспомнили, что в то же время снимались у Эльдара Рязанова. Рассказывают, что он бывал очень жестким на площадке.

— С ним у меня тоже трудностей не было. Мне просто не очень нравилась моя роль в картине. Но в ней есть история, юмор. А актеры какие? Блеск! Евстигнев, Леонов, Талызина... А если возвратиться к грузинской теме, то в общей сложности я снялась в пяти картинах грузинских режиссеров. У Бубы Кикабидзе в комедии «Мужчины и все остальные» я сыграла русскую жену, которая попала в грузинскую семью, стала образцовой хозяйкой, но иногда забывает поставить на стол соль, еще что-то. Не могу сказать, что роль мне очень нравилась, но Буба был очарованием! Когда приезжал в Москву, в гости ни к кому не ходил — как правило, приглашал к себе, был доброжелательным, на редкость хлебосольным, накрывал столы в гостинице. Рас-

сказчиком был прекрасным, с необыкновенным юмором. У Ланы Гогоберидзе я снялась в военной картине «Вальс на Печоре». Сыграли там с Ирой Купченко практически один эпизод в госпитале. Режиссер Лейла Горделадзе пригласила меня в фильм «Праздник ожидания праздника», в основе которого — славная история Чика, написанная замечательным прозаиком Фазилем Искандером. Особенно удовольствия работа в названных картинах не принесла, но все сценарии небанальные, нехалтурные.

— Моя любимая картина с вашим участием — «Портрет жены художника». Недавно прочитала в отклике: «Украшает фильм актриса Валентина Теличкина в главной роли. Бывают такие женщины — вроде нельзя ска-

зать, что у них внешность красавицы с обложки журнала, но вот глянет — и все, мужик пропал. Например — я». К вашей необычной, утонченной героине окружающие по сюжету фильма, тем не менее, относятся не очень хорошо, как к чужой.

— Чужой и слишком наивной, простодушной.

— Люди явно недооценивают ее глубину, оригинальность.

— Это особая история, которую снял режиссер Александр Панкратов. Все складывалось драматично. Мне очень понравился сценарий, но я решила отказаться. Меня очень не любил Юлий Райзман, руководивший третьим объединением на «Мосфильме», где и должна была сниматься картина, и я предвидела сложности. До Райзмана объединением руководил Михаил Ромм, он меня безумно любил. Борис Яшин, снявший «Осенние свадьбы», учился у Михаила Ильича. Когда Яшин пригласил меня в свою картину, Ромм сказал ему на худсовет: «Фильм у тебя в кармане, ты нашел артистку что надо!». Меня утвердили без проблем, и фильм получился. Но Ромм ушел из объединения, пришел Юлий Райзман. Я все время думала: за что он меня не любит. Сначала я решила, что режиссеры тоже соревнуются между собой — может быть, все дело в том, что меня открыл не он, а Сергей Герасимов? Или я, возможно, где-то на «Мосфильме» прошла мимо Райзмана, не поздоровавшись, потому что ни-

Валентина Теличкина

кого не знала в лицо? Для меня причина такого отношения режиссера по сей день остается загадкой. А тогда... Я прочла сценарий и сказала Панкратову, немного слукавив: «Сценарий мне понравился, но моя героиня — не очень! Ну, что это за кусок молодого мяса, препятствующий художнику?» Я думала, что меня не утвердят, и незачем зря тратить время. Однако Панкратов продолжал настаивать на своем. Тогда я сказала ему, как есть: «Ты же хочешь снять эту картину? Снимай без меня! Меня не утвердят». Но Саша решил, что я себе просто цену набиваю, говорю не то, что думаю на самом деле. Я это почувствовала. В итоге я сделала пробы с разными партнерами. На худсовете режиссер представил трех актрис на главную роль и сказал, кого предпочитает. Райзман, как я и предполагала, был категорически против. Члены худсовета пытались его переубедить: «Вы не правы! Это лучшие пробы!» И Райзман рассмешил всех тем, что сказал: «Ну вы посмотрите, какой на ней костюм. Такие в Париже уже давно не в моде!» На это директор киностудии Николай Сизов ответил: «Ничего, мы ей другой костюм для фильма сошьем. Какая проблема?» Таким образом я попала в эту картину. Саша прошел потом через чудовищные испытания. Тогда ведь отснятый материал обязательно показывали худсовету, и каждый показ заканчивался тем, что у режиссера был чуть ли не инфаркт. Придирки всегда шли от Райзмана, он настаивал, что нужно переснять то одно, то другое. Но Панкратов упирался рогом: «Ни за что!» Случались даже столкновения. Так что этот фильм нам дался тяжело. Зато потом были сплошные международные премии. Фильм получился, его действительно любят зрители.

— *И картина не устаревает, смотрится сегодня с таким же удовольствием, что и сорок лет назад.*

— Потому что она про человеческое, про сложности человеческих взаимоотношений.

— *У вас был замечательный опыт сотворчества с Никитой Михалковым в «Пяти вечерах». Всем*

«Портрет жены художника»

запомнилась ваша немного странная, нелепая и глубоко несчастная героиня Зоя.

— Про таких говорят: с приветом. Но мне нравятся такие странные персонажи. Она у Александра Володина выписана как женщина легкого поведения. Но это то легкое поведение, когда оно... ну, совсем-совсем легкое! Ведь Зоя — наивная, влюбленная женщина. С Никитой очень легко работать, он любит артистов.

— *Он именно вас видел в роли Зои.*

— Да, я знала, что никто больше и не пробует. Никита выбирает актеров, и если они согласны, он никого другого обычно не ищет.

— *Правильный подход?*

— Абсолютно. Только от неуверенности в себе режиссеры начинают искать то там, то сям. С Никитой мы душа в душу поработали двадцать шесть дней. То есть 26 дней мы снимали, а репетировали столько же. Съемки «Нескольких дней из жизни Обломова» проходили в Черниговской области Украины, туда и поехали Людмила Гурченко, Станислав Любшин, я, не занятые в «Обломове». Репетировали «Пять вечеров». А днем Никита снимал «Обломова». Откуда у него силы брались, непонятно. Участие в «Пяти вечерах» было для меня невероятным счастьем. Как легко мы соглашались с ним, а он — с нами, когда возникали какие-то вопросы! Не было мучительства вообще.

Есть в моей фильмографии пара картин, которые вывернули мне душу, и ничего в результате не получилось. Не буду называть... Фильмы-то получились, наверное, неплохие, зрители хвалят. Другое дело, что на них лежит печать мучительства. Но мне, конечно, повезло. В моей жизни было много хороших режиссеров и хороших фильмов.

— *Вы интересны и самостоятельны на каждом этапе своего возраста и творчества. Как вы думаете, в чем секрет?*

— Я никогда не набирала ролей. У меня было действительно очень много предложений, я выбирала, может быть, поэтому и не стерлась. Если бы я снималась во всем, что мне предлагают, не нужна была бы сегодня никому. Тот же Никита Михалков хотел меня снимать, но предлагал сначала просто чепуху. И я, конечно, отказывалась. В одном случае я должна была в бане мыть ребенка. Зачем мне представлять нагишом ради того, чтобы в бане ребенка мыть? Сцены нет, только это... И зачем меня приглашать на такое? Потом Никита еще раз позвал меня — в «Обломове» я должна была что-то убирать со стола и разбить чашку. Естественно, я и от этого отказалась. Помню, Михалков мне позвонил: «Валюша, ты умеешь созерцать, мало кто из актеров это умеет!» Но там нечего созерцать, разве что разбитую чашку? Понятно, что сняться у Никиты — это счастье и удовольствие. Михалкова мои

«Васса»

отказы не отринули от меня, и он нашел для меня роль в «Пяти вечерах». Если бы я снялась в «Обломове», не было бы «Пяти вечеров». Другое дело, когда эпизод — не мелочовка, когда это значимая работа, как, например, эпизоды у Евгения Евстигнеева. Тогда даже «мелочовка» дорогого стоит. Но я не знаю, что значит созерцать по поводу упавшей чашки! И как созерцать? Так что иногда через ужасную боль и желание работать отказываешься сниматься, если тебе предлагают какие-то ошметки. Я это все выдержала. И... занялась живописью.

— Это было в 90-е, я читала, что вас тогда накрыла депрессия.

— Ну, конечно. То, что предлагали, только другим казалось Голливудом.

— И появилась живопись. Не зря вы дважды сыграли жену художника — в «Необыкновенной выставке» и «Портрете жены художника». И замуж вышли за архитектора.

— Как будто Господь вложил мне в руку кисточку.

— До этого никогда не рисовали?

— Нет. Я называю это провидением Господним. Тогда у меня был маленький Ваня, я его водила в школу, в кружки. В детский сад тогда невозможно было отвести ребенка, ведь случались бандитские налеты и прочее. Я занималась ребенком, потом начала повесть писать, положила ее в долгий ящик, а недавно, спустя сорок лет, опубликовала. Она называется «Целую, потому что жалко» — о буднях моей мамы, работавшей продавщицей в местном сельском магазине, ее отношениях с дочерьми, друзьями, соседями. Вышел альбом с репродукциями моих

работ, прошло несколько художественных выставок.

— Как вы отнеслись к предложению сыграть маму Саши Белого в нашумевшем криминальном сериале «Бригада»?

— Я испугалась поначалу: сплошные криминальные разборки! И сказала режиссеру Алексею Сидорову: бандиты,

Инна Безирганова и Валентина Теличкина

бандиты... главного героя надо просто убить. Столько Саша Белый вместе со своей преступной группой натворил всего, а все живет. Но Сидоров сказал мне: «Нет, Валентина Ивановна, будет продолжение. Саша станет президентом!» Времена-то были какие страшные. Личные обстоятельства режиссера сложились таким образом, что он вынужден был отказаться от продолжения. Вообще, все, что мы снимаем — это не просто так, это живое. Каждому, пусть и по-разному, приходится за все отвечать.

— Вы это чувствуете и по тому, как складывается ваша жизнь?

— Конечно.

— Хочу привести ваши слова из

интервью, в котором вы оцениваете свою героиню Зою в мелодраме Ларисы Садилловой «Огород»: «При всей скромности быта она держит свою жизнь в руках. Зоя — человек, не жалующийся на судьбу, и этим очень похожа на большинство русских женщин, не ноющих, способных существовать на минимуме. И вдруг подарок судьбы: встретить мужчину, который в нее влюблен. Ведь в этом смысле люди не стареют».

— Это тоже радостный опыт. Лариса Садиллова — абсолютная герасимовка. Она, человек талантливый, чудесно работает с артистами. Лариса восприимчива, обладает хорошим вкусом, остро чувствует пошлость, никогда не переходит грань, а ведь она очень тонкая. Со мной вместе в фильме снимались великолепные актрисы Раиса Рязанова, Оля Лапшина. Мне кажется, все получилось очень вкусно. Творчество Садилловой определенно выбивается из об-

щей тенденции.

— Оно относится к так называемому народному кино.

— Именно. Ко мне подходят, говорят: «Вы так на мою маму похожи. Она тоже торчит в огороде, банки закрывает». А я на это отвечаю: «Любите свою маму! Вы что, думаете, она для себя закатывает банки-то?»

— У вас самой замечательная семья...

— С сыном Иваном мы друзья, я счастливая бабушка: у меня трое чудесных внуков, один другого лучше. Два мальчика, одна девочка — Коленька, Аннушка, Феденька. Двенадцать, десять, два с половиной...

КАК РОЖДАЮТСЯ КНИГИ

■ Ханна ПЕНМАН

Что может быть прозаичнее — автор сидит и пишет. Но именно в этой обыденности скрыт огромный масштаб: от письменного стола тянутся невидимые нити в кинотеатры и театры, в университетские лекции и политические речи, в чью-то юность и чью-то зрелость. Книги определяют наше мышление и поступки — словно негласные законы, которые принимаются не парламентами, а воображением. Из этих, казалось бы, простых усилий рождаются истории, которые потом могут стать не только великими спектаклями и кинокартинами, но и целыми философиями и лозунгами, личными откровениями и национальными идеями. Поэтому писательская кухня — не просто авторская рутина, это маленькая лаборатория, где творятся большие судьбы.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РУТИНА

Для кого-то все это может быть жутко интересным процессом, поэтому я решила вам рассказать, как живут внутри своей лаборатории слова современные русскоязычные писатели Грузии и мира — чем наполнены их рабочие дни, какие правила помогают им доводить идеи до книги, и в какие моменты рутина становится творчеством.

К примеру, всемирно известный Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) признается, что у него одновременно могут идти несколько книг, и что он «пере-

мещается между книгами, над которыми одновременно работает, переезжая от рабочего стола в одной стране к рабочему столу в другой». По его словам, это позволяет держать разные сюжеты и настроения в напряжении друг к другу, давая возможность переключаться и возвращаться со свежим взглядом. Еще Акунин говорит: «Я давно уже пишу только то, что интересно мне самому».

Знаменитый Владимир Сорокин редко дает интервью на тему писательской кухни, зато часто обсуждает рабочие прин-

ципы: смена обстановки и «впитывание» впечатлений для него важны — последние годы он жил между домами в разных странах, и сам говорит, что смена окружения обновляет писательскую оптику. Встречи и длинные беседы (лекции, интервью) показывают, что у него сильная рефлексивная фаза — время «неписательства», когда формируются большие идеи и проблематика произведения; потом идет фаза активного письма. В одном разговоре он отмечал, что литература должна «ставить большие вопросы».

Дмитрий Глуховский — пример автора, у которого идея созревает долго, а сам процесс письма совмещен с профессиональной деятельностью в кино и медиа. История «Метро 2033» — классический кейс: идея «выросла из подземки», а работа над текстом растянулась на годы. В ряде интервью он подчеркивает, что для него важны крайние сроки: «Рукописи не горят, но горят сроки их сдачи. Страх грядущего дедлайна — единственный благотворный стресс для писателя».

Дмитрий Быков говорит, что в литературе важна не только техника, но и состояние писателя. То есть для Быкова рутина — не просто ежедневная работа, но и подготовка психики и ума, создание настроения на писательство, некая «внутренняя готовность». Также в интервью он называет себя человеком, который «суетлив, работает больше, чем надо».

Людмила Улицкая дает интересный пример, как работа над крупным, сложным романом может тянуться многие годы. Так, роман «Даниэль Штайн, переводчик» она сравнивала с получением высшего образования — было множество этапов, переработок, дважды он писался как документальный роман, и только в третьем варианте автор была удовлетворена. Улицкая также подчеркивает, что каждый писатель, по сути, пишет одну и ту же книгу — книгу своей жизни.

Алексей Поляринов («Центр тяжести», «Риф», «Кадастры») — писатель, переводчик, литературный критик, колумнист, бло-

гер. То есть рутина у него смешанная: часть времени уходит на критику, переводы и эссе, а не только на художественную прозу. Он отмечает, что испытывает влияние чтения: читает много, разных авторов, переводит, анализирует, и это влияет на то, как он мыслит сюжет, стиль, форму. Поляринов говорит: «Если все будут писать про вечность, у нас не останется ни прошлого, ни настоящего» — как бы намекая, что он осознанно выбирает темы, следит за актуальностью.

Автор книг «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» Гузель Яхина часто рассказывает о своей дисциплине: она пишет утром, по четкому графику — сначала сценарный план, потом главы. В интервью говорила, что «пишет медленно, как строит дом» и что текст у нее должен «отлежаться». Очень системная, «архитектурная» рутина.

Мариам Петросян писала роман «Дом, в котором...» почти 20 лет. То есть у нее длительный, почти монашеский процесс, работа десятилетиями, полное погружение и внутренний мир.

А вот Дина Рубина работает, как ремесленник: пишет ежедневно, по 5-6 часов, обязательно в тишине. Говорит, что «письмо — это физическая работа», и всегда печатает стоя или сидя на высоком стуле. Очень кинематографичный подход: строит сцены, как кадры.

ПИСАТЕЛЬСТВО КАК СВЯЗЬ С ЖЕНОЙ

Для Достоевского зерном романа могло стать какое-то одно, но сильное воспоминание, ощущение, впечатление

или событие.

У Михаила Гиголашвили это всегда происходило по-разному. «Первый роман «Толмач» появился от обилия впечатлений, — вспоминает писатель. — Я тогда работал переводчиком в лагере для беженцев и был ошеломлен их рассказами. Второй роман, «Чертово колесо», писался частями много лет. Третий, «Захват Московии», важный для меня с точки зрения гибкости и многогранности русского языка, где герой, молодой немец-славист, едет в Россию, чтобы практиковаться в русском языке. В этом романе сконцентрирован опыт многолетней работы в немецких университетах, хорошее знакомство с такого рода студентами, с их психологией». Из этого романа вырос четвертый роман Гиголашвили, «Тайный год»: «Во время написания «Захвата Московии» мой друг, поэт Михаил Синельников, сказал мне, что в опричниках у Грозного служил некий немец фон Штаден, оставивший записки о Московии периода Ивана Грозного. Я начал копаться и настолько увлекся фигурой Грозного (и того времени), что четыре года только собирал материалы, а историю про Хайнриха фон Штадена сделал «романом в романе», что было нетрудно — фон Штаден оставил любопытнейшие записки о той эпохе и личности царя, их надо было только оживить». Пятый роман, «Кока», появился как продолжение «Чертова колеса» — автор сам соскучился по этим героям и «заставил» их поработать еще один роман. «Так что толчком к написанию романа могут служить разные воспоминания, грезы, даже сновидения», — считает писатель.

Между тем отношение прозаиков с музой иное, чем у поэтов, полагает Михаил Гиголашвили: «Для прозаика муза — это верная жена-помощница. Она должна приходить регулярно, позову и без зова. Для поэтов же муза — любовница, ночное приключение, всплеск эмоций. Да и действия разные: одно дело править многостраничный текст, другое — редактировать 10-20-30 строк стихотворения». Для прозаика, отмечает Гиголаш-

вили, строгая дисциплина необходима на время написания болванки первого текста, когда в голове все кипит, а дальше — по желанию, способностям, критичности к себе — править можно и быстро, и медленно. «Я никогда не переписываю эпизодов, только вношу (или вычеркиваю) какие-нибудь пассажи, — делится писатель. — Ритуал есть, один — передписанием/редактурой обязательно тщательно вымыть лицо холодной водой — «проснуться». Пить не пью ни грамма, только курю и пью крепкий чифироподобный чай». После того, как абрис, идеи будущего романа более или менее прояснены, идут следующие этапы: первое — сбор подготовительных материалов к сюжету, типажам, эпизодам (этот процесс по времени разный). Второй — этап сокрытия себя от всего и всех в месте, куда автор едет с подготовительными материалами и где каждое утро садится писать болванки текста, пишет целый день и вообще находится мысленно в романе. Третий этап, через три-четыре недели, болванка текста готова, и Михаил Гиголашвили возвращается с ней к обычной жизни и начинает каждый день править и редактировать текст. «Это для меня самый приятный этап — чистка текста, работа над языком персонажей, — говорит Гиголашвили. — А вот когда сдаю текст в издательство и напоследок редактирую верстку, то тут же изгоняю из головы и весь роман, и все, с ним связанное, чтобы очистить место для дальнейшей жизни. И отношения с этим романом остаются романтическими, какими бывают отношения с бывшей женой или любовницей, с которой разошлись по-хорошему и остались друзьями».

НЕ ПИСАТЬ, А СЛУШАТЬ

Поделиться своими авторскими методами и путями рождения книг я попросила и знакомых мне грузинских русскоязычных писателей.

Валериан Маркаров, автор книг «Легенда о Пиросмани», «Гении тоже люди... Леонардо да Винчи», «Портрет неизвестной, или Во всем виноват Ре-

Михаил Гиголашвили

Валериан Маркаров

пин» и др., рассказал, что идеи его произведений рождаются обычно из настроения: «Иногда это образ: лицо, жест, фраза, услышанная мимоходом. А иногда – просто внутренний зуд, ощущение, что где-то рядом живет история, которая ждет, чтобы ее рассказали. Идея приходит позже, уже как попытка удержать это настроение в форме. Например, книга о Пиросмани родилась из тоски по его одиночеству – я увидел его портрет и не мог от него отвызаться». А процесс написания книги – это настоящий хаос с элементами порядка, признается Маркаров. «У меня нет жесткой системы – я пишу, когда жизнь позволяет, часто откладываю, мучаюсь, ругаю себя за прокрастинацию. Но перед началом обычно намечаю общую схему: завязка, повороты, возможный финал – хотя герой нередко сам решает, куда идти», – говорит он. Дедлайнов Валериан Маркаров не ставит, ибо «они убивают всякое желание писать». Редактура занимает столько же времени, сколько и написание, а то и больше: автор, по его подсчетам, может переписывать один абзац по десять раз. А на вопрос, есть ли у него особенные ритуалы писателя, Маркаров отвечает: «Да – черный шоколад, крепкий чай или кофе, тишина (или музыка – Шварц, Дога, иногда Бах). В музу верю – она капризна, но без нее у меня ничего не ложится на бумагу. Дисциплина важна, конечно, но если в голове пусто – лучше подождать, чем насиловать текст».

В писательстве, как и в любом деле, невозможно избежать трудностей, впрочем, как и

радостей. И самое сложное тут – начать, утверждает Валериан Маркаров. «Первые страницы даются мучительно: будто толкаешь камень в гору, – делится автор. – Середина – уже полет, особенно когда герои «оживают» и ведут тебя за собой. Финал – всегда тревожен: боишься не дотянуть, испортить все, что выстроил. А наибольшее удовольствие – моменты, когда текст сам течет, когда ты не пишешь, а слушаешь – и просто записываешь то, что тебе диктуют изнутри. Это происходит редко, но именно ради этого и стоит писать».

«НЕТЕРПЕЛИВЫЙ МУРАВЕЙ»

Проза – это удел человека, награжденного терпением муравья, уверен писатель Ладос Почхуа, автор романа «Эники-Беники», который живет и работает в США. «Писать роман – это день за днем коллекционировать слова, предложения, параграфы, главы... А затем все это найденное на просторах жизни (всю эту коллекцию) использовать в постройке дома из эфемерных идей, несуществующих персонажей, придуманных интриг, неожиданных поворотов сюжета. Одним словом, использовать в сооружении дома, который не факт, что будет возведен», – рассказывает Почхуа.

По его словам, писательская рутина – это работа на долгие месяцы, годы. «Я же совершенно нетерпеливый человек, не способный даже без напряжения ждать в очереди в продуктовом магазине. Если у прилавка, впереди меня древняя бабушка, любительница поговорить, то я, отягощенный продуктами и вечно куда-то спешащий, готов взорваться». Однако Ладос Почхуа нашел способ, как бороться со своей неусидчивостью: «Я пишу по утрам в блокнот чернильной ручкой (я очень люблю книжки, блокноты, тетради, дорогие ручки) в кафе. Звон посуды, вечно меняющийся саундтрек, посетители, стильные баристы в тату и красивых нарядах... Мир в движении, и где-то у стены, за столиком – незаметный я, записывающий диалоги, сценки, описывающий выдуманных персонажей. Вот

и сейчас я в кафе «Итака-бейкери». 9.20 утра. Звучит джаз. Я пишу в блокноте «Молескин» о том, как я обычно записываю слова в блокнот «Молескин».

Далее автор делает перерыв и, выпив кофе и наслушавшись музыки, отправляется за покупками, совершает «скучнейшие, без которых жизнь невозможна, дела», одним словом, всячески оттягивает процесс переноса написанного за день в блокноте в свой компьютер. «Этот важнейший этап происходит дома, когда дети еще в школе, и я могу слушать любимую му-

Ладос Почхуа

зыку и работать без нервозности, известной всем родителям, – рассказывает Ладос. – Мой дневной план – 300 слов. Не меньше, ни больше. Ужасных, плохих, неудачных, бездарных, жутких, чудовищных 300 слов. Качество текста не важно, так как создание литературного произведения – это не писание (коллекционирование) букв и слов, это скорее редактирование. Но чтоб начать редактировать, нужна критическая масса текста. Плохого. Того текста, который американцы называют shitty first draft».

Обычно Ладос Почхуа создает четыре черновика: первый – это, по его словам, просто свалка идей и неудачных фраз в Google-docs. Второй, уже распечатанный, он вклеивает (манипулируя страницами, меняя

порядок, улучшая, развивая) в большую «амбарную» книгу. Затем редактирует и эту «амбарную» книгу – вычеркивая, добавляя, уменьшая, развивая. «Я переносу все поправки в компьютер, где уже появляется приличный текст, – объясняет писатель. – И вот тут я записываю весь текст вслух на пленку. Когда вдруг (удивляясь собственной отчаянной наглости) слышишь свой трижды обработанный текст, появляются раньше не замечаемые шероховатости, ошибки и тавтологии. И теперь четвертый черновик почти готов отправиться на суд издательства, журнала, газеты».

Редактирование – процесс долгий и иногда тяжелый, утверждает Почхуа. «Писать увлекательнее, так как иллюзия того, что ты достоин и почти гениален, преследует пишущего все время, – говорит он. – Редактируя же, ты убеждаешься в своей абсолютной беспомощности... Редактирование романа у меня занимает пару лет. Такие дела».

В ПРИОРИТЕТЕ – БОЛЬ

Писатель Михаил Касоев, автор вымышленного города Гуджарати (прототип, естественно, Тбилиси) и его разноязычных жителей, вместе с которыми он исследует абсурд в реальности или реальность абсурда, считает, что идею произведения может подсказать что угодно.

«Это может быть запах горячего песка в пустыне, в которой оказался раз, сон, если не сразу

его забыть, звук работающего механического прибора, градусник, показывающий повышенную температуру тела при ОРЗ, тяжело справляющийся с поворотом трамвай, наглые голуби и особенно вечерние шорохи из углов. Произведения (у меня их, честно, немного) я не пишу, а конструирую, преодолевая комплекс гуманитария перед точными науками», – рассказывает он.

Когда созревает идея, приходят поддерживающие ее смутные персонажи, располагаются в некоем зрительно зыбком пространстве и буквально требуют от автора создать конструкцию, чтобы это пространство обрело геометрию, говорит Касоев. При этом в обаяние музы или приход вдохновения Михаил Касоев не верит: «Хотя миф о них (особенно, о ней, Музе) чертовски красив и мной любим. Если неожиданно сравнить писателя со спортсменом, то второй точно не добьется высоких результатов без дисциплины системных тренировок. А чем писатель хуже? Или лучше...»

Самое до слез сложное в писательстве – это сокращать собственный текст, признается автор, даже если втайне признаешь, что он не ахти: «У кого как, но у меня самый мучительный и нередкий период работы тот, в который сдаешься беспомощности. Она коварна и обманчива: задавить способна основательно. Навалиться может даже на простом двусоставном последнем предложении».

Наибольшее удовольствие автору доставляет период после созревания идеи, но до прихода смутных персонажей. «Чистое предвкушение! Уже знаешь – что-то заслуженно будет: Нобелевская, Пулитцеровская, Буковская... Но при этом готов к тому, что не будет ничего».

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД ИЗ ТБИЛИСИ

Тбилисская писательница Мариам Сараджишвили рассказывает, что, поскольку пишет в жанре нон-фикшн, то специально не ищет сюжеты, а просто ждет, когда сама жизнь подкинет нечто интересное. «Это

может быть диалог в автобусе, услышанная история, ситуация на улице, что угодно. И увидев или поймав нужную волну, пишу под настроение. Так как сейчас мне негде печататься по определенным причинам, я не ищу новые ниши, а просто пишу, что вижу, что задевает меня каким-то образом», – говорит Сараджишвили.

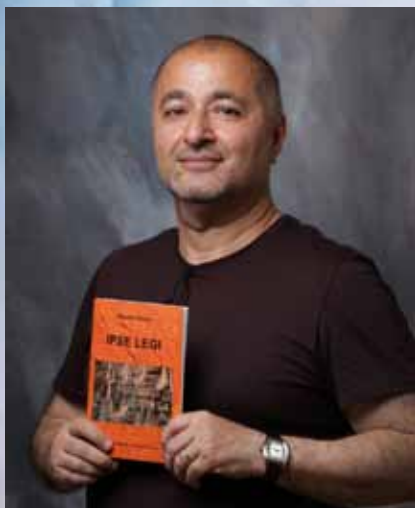
Таня Астрит («Меланибери», «Гвэлешапи», «Малахитовая тарелочка. Истории с нашей кухни»), писательница из Сара-

Мариам Сараджишвили

това, которая сейчас живет и пишет в Тбилиси, рассказывает, что идеи ее книг обычно исходят от героя и его портрета: «Я рисую героя, какую-то его проблему, с которой он приходит в этот мир. Зачастую эти мысли и образы приходят ко мне во сне либо через какие-то живые образы... Раньше я работала без структуры, то есть писала по накатанному, когда ты садишься, берешь ручку или ноутбук и пишешь один за другим эпизоды. Но после того как я прошла многие курсы, сейчас пишу по структуре. Пишу ежедневно, примерно по 3 тысячи слов».

Процесс рождения книги бывает очень разным, говорит Екатерина Минасян, писательница («Арцахский гранат») и автор информационно-познавательного проекта «Прогулки по Тифлису», рассказывающего об истории города и людях, чьи имена неразрывно связаны с историей

Михаил Касоев

Таня Астрит

Тбилиси. Иные идеи, по ее словам, вынашиваешь месяцами и годами, а другие рождаются от молнии, сверкнувшей в твоём мозгу. «К слову, занимаюсь чем-то по хозяйству. А в голове вертится мысль, — объясняет Екатерина. — Заканчиваю мыть посуду, сажусь за монитор и пишу. Накидываю на лист один абзац, второй, третий... Пора бы и остановиться. Но внезапно обнаруживаешь, что уже не можешь остановиться. Тебе что-то мешает. И это что-то ведет тебя дальше. Оно рождает новые смыслы, персонажей, образы». А бывает по-другому — ты уже даже не помнишь, где и когда подслушал эту историю, но она прочно осела в твоём сознании, говорит Минасян. «Ты живешь

Екатерина Минасян

с нею уже который год. И если еще не осуществил ее на бумаге, то только потому, что не чувствовал готовности рассказать ее так, как тебе хотелось бы. Но настанет момент, и ты понимаешь — все, созрел, могу писать. А тут издательство заказывает тебе книгу — документальную прозу. И ты отодвигаешь на время ворох созревших идей до лучших времен. Много таких законсервированных идей».

По словам Екатерины Минасян, она была бы рада подчинить процесс написания книги какой-то системе, правилам, алгоритму: «Но, увы, я малодисциплинированный человек. Для того, чтобы начать писать много и продуктивно, мне нужно войти в особое состояние. Это похоже с актерством: чтобы сыграть талантливо на сцене, работаешь над тем, чтобы войти в роль. И происходит это не сразу, а через какое-то время. И вот когда ты уже внутри этой роли, ты выходишь на сцену и начинается мистерия. Это счастье».

А радость писательства — в преодолении трудностей, утверждает автор: «Когда понимаешь, что у тебя получилось взобраться на какую-то высоту, донести важную мысль... Может, это и звучит парадоксально, но я никогда не знаю, каким у меня будет финал. Работаю над ним дольше всего. И когда мне наконец удается найти его, я с радостью выдыхаю. Радуюсь, когда нахожу правильную для текста интонацию, когда чувствую ритмику текста, подбираю необходимый стиль. Радуюсь, когда текст случается. А автор всегда знает, случился он или нет. Потому что текст может быть написан безупречно, но жизнь в него вдохнуть получается не всегда. Такая вот магия...»

А вот для романистки Анастасии Хатиашвили («Лучшее, чего у меня нет», «Грузия такая Грузия», «Белла Ахмадулина. Больше, чем сны»), по ее признанию, писательство — это своеобразный эскапизм от реальной жизни в литературу.

«При этом моя писательская рутина больше похожа не на размеренный труд ремеслен-

ника, а на качели биполярного размаха, — говорит Хатиашвили. — То месяцы мертвой тишины, депрессивная фаза, когда хочется, но не пишется по причине дефицита времени или каких-то внутренних стремлений, то внезапные вспышки вдохновения, маниакальная фаза, когда пальцы не успевают за мыслью, и текст рождается в каком-то почти мистическом исступлении».

Книги пишутся Анастасией исключительно в ноутбуке, хра-

Анастасия Хатиашвили

нятся — в облаке. «И резервная копия — в голове, — добавляет автор. — Круглосуточно образы, сюжеты, реплики, лица, которые не дают спокойно жить и буквально вынуждают сесть и написать их историю. Так сейчас пишу одновременно роман и сборник рассказов. При этом постоянно и много читаю: Достоевский, Камю, Шопенгауэр, Мураками, Боулз, Стейнбек, Керуак, Гессе, Хандке, Золя...»

«Может быть, авторская рутина — это не просто труд, а способ вселенной проталкивать свои истории в наш мир? — говорит писательница. — Мы думаем, что придумываем книги, но, возможно, это книги придумывают нас. Ищут подходящего носителя, чтобы родиться. И если им это удастся, значит, где-то в мире стало немного больше смысла. И Вселенная делает еще один вдох».

■ Резо ЧЕИШВИЛИ

Перевод: Лали Хатиашвили

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

Рассказ

Несколько лет назад я получил письмо от совершенно незнакомого человека. Честно говоря, я не из тех, кто обременен или избалован вниманием читателей, но тогда я списал это на причуду какого-то любителя литературы.

«Сердечный привет доброму другу моего безвременно погибшего Нугзара от его несчастной матери, Нателы Мазмишвили. Желаю вам крепкого здоровья, счастливой жизни и достижения намеченных целей на 100%. Вы, наверное, удивитесь, подумаете, кто это вас беспокоит, но простите меня и уделите немного своего времени несчастной грузинской матери, которая в страданиях вырастила сына, и который трагически погиб на трудовом фронте...»

Едва я дочитал этот абзац, как в памяти всплыл один эпизод, о котором я, вероятно, никогда бы и не вспомнил, если бы не этот случай.

В Кутаиси, перед входом в городской сад, киносьемоч-

ная группа дождалась солнца. День был облачный. Иногда ненадолго прояснялось, и палящее солнце нещадно припекало, а порой клочья набегавших облаков сгущались, наполняя воздух удушливой тяжестью. Оператор мучился, снимая эпизод по кусочкам. В один из вынужденных перерывов мой хороший знакомый, молодой человек, представил мне своего сверстника, парнишку по имени Нугзар. Я забыл упомянуть, а теперь хочу вам сказать, что в конверте вместе с письмом находилась фотография, на которой было написано: «Это мой сын Нугзар. Если вас не затруднит, верните мне снимок». Я так и не ответил убитой горем матери. Я и фотографию не вернул. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежат и письмо Нателы Мазмишвили, и та самая фотография Нугзара. Она была снята летом. Возможно, в городском саду. А может быть, на каком-то морском курорте. Нугзар стоит с двумя девушками. Это крепкий,

излучающий здоровье и хорошо сложенный юноша с ясным и умным взглядом. Именно таким он был, когда я познакомился с ним в Кутаиси, у входа в сад. Он оказался любителем литературы, или, точнее сказать, человеком, влюбленным в литературу. Помимо всего прочего, он помнил почти до мелочей все произведения, написанные мной и писателями моего поколения. Само собой, этот факт удивил и даже заинтересовал меня.

Почти полчаса мы беседовали стоя перед садом, или, как говорят местные жители, «на краю сада». Мой знакомый молодой человек сказал: «Если у тебя нет никаких дел, пойдём к Нугзару, сыграем в нарды». Не смогу похвастаться, сказав, что я большой любитель нард, но пойти не отказался и отпросился у режиссера, которому фактически и не был нужен. Я взял с собой приятеля, который считал себя непревзойденным нардистом, и мы пошли вчетвером.

Нугзар жил напротив педагогического института, в небольшой комнатке. Тогда я не спросил, потом не заинтересовался и до сих пор не знаю,

съемной ли была эта комната или его собственной. Во всяком случае, она располагалась отдельно. Он не жил с матерью, которая, по всей видимости, уже создала другую семью. Дверь в комнату открывалась прямо со двора. Ни ступенек, ни чего-то вроде застекленной веранды. А сама комната была заполнена книгами. Прямо напротив входа стоял книжный шкаф, слева – тахта, а перед тахтой – полка из тростника, так называемая «этажерка», тоже полная книг. В витрине книжного шкафа были выставлены книги молодых писателей, одинаковые по формату. Такие книги тогда выходили сериями, а на обложке размещались фотография и факсимиле автора. Я и сейчас отчетливо помню портрет Эдишера Кипиани, который увидел сразу же как вошел.

Мы начали играть в нарды. Вернее сказать, они начали. Я предпочел роль наблюдателя и первым делом (у многих есть такая привычка, в том числе и у меня) стал рассматривать книги, попутно следя за ходом игры.

Хозяин выигрывал одну партию за другой с поразительной быстротой, так что мои друзья едва успевали сменять друг друга. И, что тут скрывать, играли на деньги. На незначительную сумму, но все же – на деньги.

Неожиданно дверь открылась, и вошла мать Нугзара. Женщина выглядела уже взволнованной и нервной. Ни с кем не поздоровавшись, она накинулась на сына с упреками, чуть ли не с криком. Побледневший юноша попытался ее успокоить, понимая, что мать, потеряв самообладание, неизбежно поставит гостей в неловкое положение. Фактически так и произошло, хоть мы и не подали виду. Нугзар всячески пытался ослабить напряжение, но у него ничего не получалось.

«Почему ты не занимаешься? – отчитывала мать сына. – Почему теряешь время?» Мы встали и ушли. Наверное, мы оставались там все это время для того, чтобы, насколько возможно, облегчить положение хозяина, который был очень огорчен и, как говорится, со-

всем отчаялся.

Мы с другом уже сели в машину, когда увидели Нугзара. Он бежал к нам. Поначалу я подумал, что он собирается уехать с нами, но, как оказалось, он торопился по другой причине. Сначала он искренне извинился, а потом вернул моему другу выигранные деньги. Всего лишь несколько рублей, но он все равно их вернул. Мой друг даже был задет, однако Нугзар настоял на своем – как же, мол, так, мы ведь шутили, не всерьез играли. Он попрощался с нами и остался стоять на тротуаре, засунув руки в карманы, расстроенный и грустный. Это та сцена, которую я помню сегодня наиболее ярко.

С тех пор, как и до того дня, я не видел этого парня и вдруг узнал, что он погиб на заводе, «при исполнении служебных обязанностей».

Как я позже выяснил, Нугзар был рабочим на автозаводе, учился заочно, жил один и тем не менее прекрасно сдавал экзамены, так же прекрасно учился, образцово трудился, читал и, бесспорно, рос достойным человеком.

Что я должен был ответить на это письмо? Чем должен был утешить мать, которая, по ее собственным словам, утром проводила целого и невредимого сына, а вечером ей принесли его мертвым? Какое облегчение принес бы ей мой ответ тогда или что он мог дать сейчас, кроме душевной боли? Чем я мог помочь? Я думал и ничего не мог придумать. Бездействие меня терзало. Постепенно, как часто и случается, эта история начала стираться из памяти, покрываясь туманом забвения.

Однажды ко мне на работу пришла женщина в черном, которая, к моему удивлению, оказалась матерью Нугзара. Она специально приехала из Кутаиси, чтобы встретиться со мной и поговорить. Неудивительно, что она больше не походила на ту женщину, которую я видел в Кутаиси. Надломленная, осунувшаяся, облаченная в траур, она говорила бессвязно и сбивчиво. На груди у нее висел медальон с фотографией сына. Из той горестной беседы, как и из после-

дующих писем, я так и не смог как следует понять, чего хотела конкретно от меня несчастная мать. Она хотела, чтобы я что-то написал, это очевидно. Но что именно? О Нугзаре Мазмишвили написали заводские сотрудники, его друзья-товарищи. Эти статьи даже опубликовали в местных газетах. Но было видно, что это ее не удовлетворило – так же, как не сможет удовлетворить вот этот мой рассказ, или запоздалый ответ. Она никогда не смирится с мыслью, что ее сын, полный сил, энергии и жизни, исчез, пропал навсегда. Она хочет, и это естественно, чтобы в ее памяти, хотя бы при ее жизни, имя сына не было забыто, хочет сделать все возможное и так оправдать свое «незаконное» существование на этом свете.

Повторяю, всего один раз, и то недолго, я виделся с Нугзаром, но и сейчас помню его ясный, умный, сосредоточенный взгляд. Слово всего несколько месяцев назад я оставил его на тротуаре, стоящим под платаном, с засунутыми в карманы руками, расстроенным и грустным. Помню и ту комнатку, книги, портрет Эдишера Кипиани.

Тот юноша, который так любил книги, литературу и свой народ, не мог не быть хорошим человеком. Он учился, работал, любил и даже играл в нарды. Читал. Вероятно, и сам писал. И видел цель своей жизни в любви и служении своему народу. Он погиб на «трудовом фронте», потому что трудился, творил, делал общественное дело, не растрачивал время бесцельно, не жил бессмысленно. Очень печально, что его жизнь оборвалась так катастрофически. Еще печальнее, что он не успел, не сотворил, не совершил того, что мог создать, на что был способен и для чего был послан в этот мир. Он не оставил после себя громкого имени, не обрел той славы, о которой мечтала его мать, которая действительно принадлежала ему и которой удостоился бы, проживи он дольше.

Что поделать, такова жизнь. Ведь на Земле в основном проживают рядовые безымянные люди. За счет их духовной и фи-

зической энергии, их потенциал другие обретают имя и славу. Без рядовых людей ни человечество, ни сама жизнь не могли бы существовать.

Человеческая жизнь — это мгновение, но мы, особенно мы, не имеем права бессмысленно, бесцельно, впустую поступаться своей жизнью, не имеем права жертвовать нашими лучшими сыновьями и списывать все на слепой случай.

Что оставил после себя Нугзар, кроме сожаления и скорби? Он оставил имя порядочного, трудолюбивого человека и хорошего парня; он оставил печаль, звук разбивающихся вдребезги несбывшихся мечтаний.

В тихую, ясную ночь, когда даже легкий ветерок не нарушает покоя этого мира, с неба падают звезды. Одиноким путник на проселочной дороге или тоскующий по суше моряк у штурвала в бескрайнем море видит в небе среди россыпи светил мимолетный проблеск и говорит: «Звезда упала».

ФЕДЯ

Рассказ

После кончины Нугзара в этом же городе погиб еще один близкий и дорогой мне человек.

Он тоже погиб по воле слепого случая, на работе, как сказала бы калбатони Натела, «на трудовом фронте».

Его звали Зураб. У него был русский друг по имени Федя. Они познакомились несколько лет назад при не совсем обычных, на первый взгляд, обстоятельствах.

Вечером, в саду, на скамейке одиноко сидел мужчина крупного телосложения. Это был обычный вечер. На краю сада, перед отелем и оперой, прогуливались люди. Неподалеку от того места, где уединился незнакомец, собралась местная молодежь. Они смеялись, громко разговаривали и создавали слишком много шума. Кто-то из них стоял, кто-то сидел, впрочем, время от времени они не-

произвольно менялись местами.

Среди них выделялся невысокий, но явно очень энергичный парень, который кружил на месте, словно споря или препираясь со всеми остальными одновременно. Время шло, веселый разговор и смех не прекращались. Улица же и сад постепенно пустели. Неожиданно непоседа отделился от сверстников, подошел к незнакомцу и прямо спросил, почему тот так долго сидит один.

Федя, а это был именно Федя, недоверчиво поднял глаза на бесцеремонного гражданина, который и так уже давно привлекал его внимание. Поколебавшись, он откровенно поведал ему о своем затруднительном положении. Парень улыбался и как бы покачивался, стоя на цыпочках. Федю послали в командировку из Москвы. Он прибыл поздно, на заводе никого не нашел, да и в гостинице не оказалось свободных мест. Он был в Грузии впервые, и, как потом выяснилось, даже не подозревал о существовании этого города.

«Меня зовут Зураб. Я живу неподалеку. Если пойдешь ко мне, я окажу тебе такой прием, на какой только способен», — сказал молодой человек. Федя не мог понять, почему этот человек улыбается, но от предложенного гостеприимства не отказался.

Стоит ли говорить, что местный житель не обделит вниманием гостя, тем более приезжего. Правда, они несколько переусердствовали — в те дни Зураб пропустил работу, да и Федя вернулся к себе с опозданием. И один получил выговор, и другой.

Тем летом, как они и договорились, Федя с женой и детьми приехал в гости к Зурабу. Кутаиси, как вы знаете, так себе место для отдыха, но он провел здесь свой отпуск. Зимой Зураб с семьей приехал к Феде и целый месяц прожил в Москве. На следующий год они вместе отдыхали в Кобулет. Так и пошло — иногда с семьями, иногда в командировках, а иногда просто так безо всякой причины они навещали друг друга: делились горестями и радостями, и

в один прекрасный день Федя получил телеграмму, извещающую о смерти Зураба.

Сначала Федя никак не мог в это поверить. Он думал, что это шутка или недоразумение, хотя такой факт не был похож ни на одно, ни на другое. Между прочим, в телеграмме было допущено несколько элементарных ошибок. Должны были написать, что Зураб неожиданно скончался или трагически погиб — как же могут умереть без причины жизнь, радость, движение! Тем более что они расстались всего какой-то месяц назад. Оказалось, что телеграмму нужно было заверить у нотариуса, чтобы у скорбящих, в данном случае у Феде, не возникло затруднений с покупкой билета на самолет, а именно в те дни это оказалось почти невозможно. Как вы знаете, летом, особенно в августе, крайне затруднительно отправиться на юг, если не подготовиться к этому заранее. Вдобавок ко всему телеграмму отправили поздно, впрочем, удивительно, что им вообще удалось это сделать в их горе, к тому же, честно говоря, они и не ждали Федею. Да и кто попрекнет человека за то, что он не смог приехать из такого города, где у каждого свои невзгоды и беды, где порой не всегда узнают о смерти соседа по лестничной клетке. В довершение всего, Федина жена накануне уехала в командировку, и их дочка, восьмилетняя девочка, осталась под его присмотром.

Федя весь день до поздней ночи, ходил с ребенком и телеграммой туда-сюда по московскому аэропорту. Никто не верил, что он летит в Грузию только и исключительно на похороны друга. Кто-то улыбался, а некоторые даже и насмехались.

Не буду вдаваться в долгие описания, скажу прямо: Феде, в почти безнадежной ситуации, удалось раздобыть билет. Он с дочкой провел ночь в зале ожидания аэропорта, а в полдень приземлился в Кутаиси, точнее — в Копитнари. Сел в такси, в котором уже удобно расположился измученный жарой пассажир, равнодушно наблюдавший за каждым входящим и выходящим.

Если не считать девочку, то оставалось два свободных места, но водитель зазвал еще троих. Федя был крупного телосложения, и поэтому его вместе с ребенком пересаживали вперед, а сидевшего впереди, несмотря на его протесты, водитель усадил назад, с трудом впахнув туда четверых мужчин и еле закрыв дверь. Как только он покончил с этим делом, машина тронулась. В салоне стало прохладнее. Пассажиры оживились. Они не то чтобы разговорились, но принялись перешучиваться и хохотать. Как сообразил Федя, они даже начали перекидываться нецензурными словами. Бранились, не стесняясь ребенка. Впрочем, девочка ничего бы и не поняла. Водителя тоже понесло, он сыпал свежими слухами и анекдотами, и пассажиры покатывались со смеху.

— Хохмач ты, Шалико, хохмач! — сказал кто-то сзади и хлопнул его по плечу. Наконец они одолели пыльную грунтовку, и веселый экипаж вкатился в город по извилистым петляющим улочкам.

Федя не смог понять, в каком районе очутился, но некоторые улицы показались ему смутно знакомыми, и сердце сжалось. Он почувствовал какое-то покалывание и даже боль. Внезапно все стало предельно ясно: он вспомнил веселые, беззаботные дни, проведенные с Зурабом, воспоминания нахлынули, смешались, и он неожиданно выкрикнул:

— Остановите машину! Мне плохо!

Водитель замедлил ход, посмотрел на Федю удивленными глазами.

— Отвезите меня к столовой, если можно. Сто граммов водки выпью... — сказал Федя и вытер пот носовым платком.

— Да разве из-за такого расстроим вас! — рассмеялся водитель. Он обернулся, подмигнул пассажирам, что-то проговорил, и сзади раздалось безудержное фыркание и ржание.

— Хохмач ты, Шалико, хохмач! — сказал пассажир, сидевший раньше на месте Феде.

Для этого жадного до денег человека, наверное, каждая минута дорога, подумал Федя.

И позже добавил, что за поддержку заплатит отдельно.

При упоминании денег, как заметил Федя, водитель еще больше оживился, хотя и так не переставал смеяться и балагурить.

— Сначала их развезу, сможешь потерпеть до тех пор? — спросил он с улыбкой.

— Ладно... — сказал Федя и глубоко вдохнул горячий воздух.

— А что у тебя стряслось? Зачем к нам пожаловал? — глянул на него водитель.

— Друг у меня умер, я приехал на похороны, — коротко ответил Федя.

— В такси повисла тишина. Водитель в самом деле пришел в себя, выпрямился и сосредоточенно усталился на ухабистую дорогу. Один из пассажиров заслонился от ребенка, а другой что-то спросил у Феде. Девочка подумала, что спрашивают ее, и в мельчайших подробностях ответила незнакомцу. Федя молчал, и другие потом тоже не проронили ни слова.

Федя потом даже не смог вспомнить, когда из машины вышел последний пассажир. Теперь такси легко тряслось по брусчатке, и, как предположил Федя, катилось туда, откуда они и приехали. Он подумал, что водитель забыл о его просьбе, и собрался было напомнить, но тот лишь молча кивнул — знаю, мол, знаю.

Он явно возвращался назад, возможно, в поисках деревянного духана или экзотической столовой. Федя словно погрузился в дрему, покалывание прошло, он даже успокоился, выпить больше не хотелось, но он молчал. Самое главное, машина уносила его все дальше от дома Зураба, и неприятное чувство возвращения к реальности постепенно ослабевало. Как ему взглянуть в глаза матери, потерявшей единственного сына, его жене, ребенку? Что сказать? Как вести себя? Сам он жив, а Зураб — мертв. Будет ли кто-то рад видеть его? Может, ему вообще не стоило приезжать в это время, в этой ситуации, рассуждал он. К тому же он приехал с ребенком и чемоданом, словно на отдых собрался. Федя думал, думал, и чувство вины, преследовавшее

его с самой Москвы, становилось все острее.

Машина остановилась в безлюдном переулке.

Они вошли во двор. «Поднимешься наверх или здесь сядешь?» — спросил водитель, указав на каменные стол и стул в беседке, увитой «изабеллой». Федя без вопросов сел в беседке. Дочку усадил рядом. Водитель куда-то исчез. Девочка заметила цветной телефонный провод, наклонилась, подняла его и сделала замысловатую петлю. Стояла жара, ни малейшего дуновения ветерка. Даже увядший лист на виноградной лозе не шевелился. В тени ограды спал кот. Федя огляделся. В этом дворе не было ничего, напоминающего столовую, но он не придавал этому особого значения. К слову сказать, он кутил в подобных местах, даже побывал в абхазской пацхе вместе с Зурабом.

Шалико принес воду и полотенце, а за ним, суетясь, вышла женщина в переднике. Она быстро протерла каменный стол, но Федя, вытирая руки и лицо, так и не заметил, когда она успела вынести закуски и напитки.

— Вина выпьете или водки? — спросил водитель.

Федя залпом опрокинул водку. Показалось горьковато. Понравилось. Больше он ничего не пил и ничего не ел, даже не закусил, несмотря на советы и увещевания Шалико. Девочка же отщипывала крошечные кусочки без всякого аппетита. Утомленной, не спавшей всю ночь, ей хотелось играть и найти себе сверстников в этом безлюдном дворе.

— Они потеряли единственного сына... — говорил водитель женщине.

— Ох, ох... Несчастный! — причитала женщина.

Только сейчас Федя понял, что находится в доме водителя.

— Шалико, этот человек ничего не ест! — сказала жена мужа.

— Поест потихоньку, погоди. Ты ребенку удели внимание!

— А ну-ка спроси, может, он чаю выпьет?

Прежде чем Шалико успел перевести эти слова, Федя поднял взгляд на женщину и сказал, что выпьет.

Женщина пошла заваривать чай.

— Не может быть, чтобы я не знал твоего друга... — доказывал Шалико Феде. Он не смог точно переложить эти слова на русский, и у него получилось: «Я не имею права его не знать». И, может быть, так было правильно.

Женщина принесла чай и прижонное.

— Мальчики вернутся из школы и развлекут ее... — сказала она.

— Не смогут они задержаться так долго, опаздывают, — объяснил ей Шалико.

— Ну пусть малышка останется здесь, что с того...

— Девочка еще не допила чай, а Шалико уже успел произвести три тоста — порядок, мол, такой. Впрочем, сам он тоже лишь пригубил, да и гостя не стал принуждать.

— Федя так или иначе разбирался в местных обычаях, но все равно в чем-то ошибался — подсчитывал в уме, во сколько же примерно обойдется это застолье, и водка, и простаивающее такси.

— Уже перевалило за полдень, когда они приехали на место. Такси с трудом пробиравалось по заполненной людьми узкой улочке. Федя вышел из машины. Теперь уже все было понятно и ясно, как день. Он уже ничего не видел, ни на что не смотрел, даже не замечал напуганного ребенка, изо всех сил вцепившегося в его руку.

— Надо же, друг Зурико приехал!.. — сказал кто-то.

Двое парней тут же отделились от толпы и поспешили к нему. Они остановились у машины и встали по обе стороны от Феда. Федя вспомнил про водителя и вынул из кармана деньги. Тем временем такси задним ходом пробиравалось сквозь толпу, выискивая место, где можно было бы развернуться или остановиться.

— В этом городе с вас денег не возьмут, — спокойно, четко, но с резким грузинским акцентом сказал ему один из молодых людей.

Точно так же говорил и Зураб. Федя в замешательстве сунул обратно в карман зажатые в кулаке деньги и посмотрел на

парня, даже узнал его. Тот подумал, что он ищет ребенка, и успокоил, сказав, что девочку увели соседи. И только сейчас Федя вспомнил, что в эдакую даль приехал вместе с ребенком.

Он уже не мог понять, шел ли он сам или его вели под руки. Люди расступались перед ним. Завидев его, громко заплакали жена и дети Зураба. Федя одеревенел. Он не знал, куда идти, к кому подойти, что нужно делать в такое время.

Водитель такси, зашедший выразить соболезнования незнакомой семье, пожимал руки скорбящим и вытирал платком слезы. Поразительно, но Федя узнал его со спины. Проводил взглядом его лысую голову и тонкую, морщинистую шею.

Федя пробыл в Кутаиси восемь дней.

На следующий день он старательно пересчитывал вычищенные, вымытые и высушенные стаканы, тарелки и столовые приборы, взятые напрокат. Сортировал, складывал в коробки. Встречал соседей и обслуживающий персонал за столом, накрытым по-домашнему, наскоро. Приводил в порядок охолодевшую квартиру, утешал несчастных родителей и делал это довольно неуклюже. Соседи спрашивали у Феда, куда отнести, куда положить, кому отдать вещи, посуду или раскладной стол. При этом называли его не Федя, а Федиа, иногда даже батона Федиа. Дочка играла с соседскими детьми, и откуда-то слышался звонкий смех.

Целую неделю Федя работал на кладбище. Он сделал водосток, вырыл канавы для заливки бетона. Бетон тоже залил сам и красиво разровнял. Соорудил и железобетонный фундамент. Механик, он с легкостью мог собрать и разобрать своими огромными ручищами и экскаватор, и часы. Вообще у него все получалось, любое дело спорилось. Ровно за неделю он все безупречно подготовил для каменщика, которому предстояло облицевать поверхность мрамором.

А на девятый день он, задумчивый, сидел в аэропорту Копитнари. В большом зале было жарко. Пассажиры не могли

усидеть на месте. Посадка в самолет задерживалась по каким-то техническим причинам, и Федя, измученный бездельем, терял терпение. Он чувствовал, что навсегда прощается с этим странным городом, который, подарив ему столько добра и радости, обрушил на него такое горе.

Он уже думал о работе, отложенных и неотложных делах, семье, детях и тысяче других мелочей. Между тем он вспомнил, что забыл несколько фотографий Зураба, которые он накануне бережно завернул и положил на пианино. Огорчился — как он мог забыть их? Это показалось ему дурным знаком. Ему почудилось, будто он оставляет здесь все, избавляется и освобождается от всего, чтобы навсегда предать забвению эту историю.

Внезапно огромная дверь зала со скрипом и грохотом распахнулась. В зал ворвался Зураб. На нем был тонкий коричневато-розоватого цвета костюм. Он шел, расправив плечи, легкий и изящный. Рассматривал пассажиров, словно кого-то искал. В руке он держал те самые фотографии, которые Федя оставил на пианино. «Вот человек! Успел ко мне», — подумал Федя и в тот же миг очнулся. Видение напугало его. Он почувствовал собственное сердцебиение. Довольно глубоко вздохнул и украдкой поглядел по сторонам. Все были поглощены своими делами, никто не обращал на него никакого внимания. Дочка сидела на скамье, раскачивая худыми ножками, и ела хачапури.

«Все это глупая шутка», — пробормотал Федя, поднимаясь. «Света, — сказал он девочке, — оставайся здесь, никуда ни шагу, я сейчас вернусь».

Девочка кивнула, не переставая болтать ногами и есть.

Федя ходил по двору, в тени стены, глубоко вдыхая нагретый воздух, принесенный с полей. В отдалении он увидел раздолбанное такси. Он узнал и такси, и его водителя.

Шалико уже усадил в машину четырех пассажиров и силой втискивал пятого. Пассажир сопротивлялся, но у него ничего не вышло.

— Хохмач ты Шалико, хохмач! — глухо крикнул из такси кто-то, обреченный задохнуться.

Федя рассмеялся и вернулся в зал.

ВЕЛИКИЕ В БАТУМИ

■ **Артем КОМАРОВ**

Батуми во все времена был местом притяжения многих талантливых, неординарных личностей. Мягкий климат, сочетание горного и морского воздуха, уникальные пейзажи, своеобразная архитектура и, главное, неповторимое самобытное обаяние заметно выделяли Батуми среди других приморских городов.

В античные времена легендарные аргонавты путешествовали по древней Колхети (а территория современной Абхазии, по историческим источникам, попадает в этот район). В Абхазии, как утверждают исследователи, проповедовал христианство Андрей Первозванный.

Батуми принимал и продолжает принимать огромное количество гостей. Давайте вспомним о некоторых великих, которые здесь бывали.

Кнут Гамсун

В 1899 году в Батуми гостил Кнут Гамсун. В то время будущий лауреат Нобелевской премии по литературе уже написал свой знаменитый «Голод», а романы «Пан», «Виктория» были у писателя впереди. Как и книга «В сказочной стране. Переживания и мечты во время путешествия по Кавказу», в которой Гамсун описал, в том числе, и свои впечатления от Батуми, — эти заметки стали одним из первых описаний Батуми в европейской литературе XX века.

В Батуми Гамсун приехал на поезде. Жил в отеле «Belle Vue», у моря. Много гулял, заходил в рестораны и магазины, наблюдал за людьми. Жизненный

ритм города и манера жителей одеваться и вести себя напомнили ему южные штаты Америки: «В столовую гостиницы приходят люди, одетые в модное платье, в шелковых туалетах и драгоценностях. Они едят изысканные блюда и пьют шампанское. Видно, что они очень богаты, и они сидят и манерничают... В Батуме есть свой приморский бульвар. И вечером там полно гуляющей публики и экипажей. Тут и горячие кони, и шуршащие шелка, и зонтики, и улыбки, и приветствия — все как в любом городе южных штатов. Есть тут и свои щеголи, франты в высоких, похожих на манжеты, воротничках, вышитых шелковых рубашках, сдвинутых набекрень шляпах и с тростями толщиной в руку... Не высокомерие заставляет их так наряжаться, просто им тоже хочется обратить на себя внимание. Шляпа скорее может прославить человека, чем книга или картина».

Конечно, Гамсун подмечал и нищих, обездоленных, которые были вынуждены попрошайничать. В этом смысле Батуми представал перед глазами норвежца городом контрастов.

В Батуми Гамсун подхватил лихорадку, ему несколько раз становилось плохо. Но несмотря на проблемы со здоровьем и сопутствующие лечебные хлопоты, писатель остался доволен своей поездкой в Абхазию. Ведь что может сравниться с визитом в сказочную страну? Правильно: ничего. «Такая прекрасная сказка больше, наверное, со мной не приключится», — писал Гамсун другу. — Это другой мир, люди там красивее, вино краснее, а горы еще выше».

В сентябре 1924 года в Грузию приехал Сергей Есенин. Он пробыл здесь до конца февраля 1925-го, при этом два месяца (декабрь 1924 — январь 1925 года) прожил в Батуми и встретил здесь свой последний Новый год...

Есенин много печатался в газете «Заря Востока», заключил с издательством договор на издание книги, которая вышла в 1925 году в оформлении Кирилла Зданевича, дал согласие стать редактором литературно-

Сергей Есенин с Ольгой Кобцовой.
Батуми. 1924

го приложения к «Заре Востока», заинтересовался поэзией Важа Пшавела и взволнованно отмечал, что отношение к животным и природе у него и Важа совпадают.

«Работается и пишется мне дьявольски хорошо, — писал поэт друзьям. — Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра. Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия... Так много и легко пишется в жизни очень редко». «Батумская зима» Есенина войдет в историю русской поэзии так же, как вошла «Болдинская осень» Пушкина. Здесь были написаны поэмы «Анна Снегина» и «Цветы», стихотворения «Капитан земли», «Стансы», «Русь бесприютная», «Письмо к женщине», «Памяти Брюсова», «К матери», «К сестре», «К деду», 11 стихотворений из цикла «Персидские мотивы» и многое другое.

Жить Есенину оставалось совсем недолго. А пока...

Он живет в одноэтажном доме в глубине мандаринового сада по улице Энгельса (бывшая Вознесенская, нынешняя Меликишвили), утром и днем — работает, пишет, а вечерами прогуливается вдоль приморского бульвара, встречается с местными литераторами и ухаживает за барышнями. Два больших увлечения поэта в Ба-

туми — это Ольга Кобцова, или Мисс Оль, как окрестил ее сам поэт (она потом станет героиней нескольких предсмертных шедевров Есенина), и, конечно, Шаганэ Тертерян (впоследствии, во втором браке, Тальян) — учительница арифметики в местной армянской школе, чья фамилия звучала поэтически, почти как тальянка.

Они гуляют по городу, он дарит Шаганэ книгу «Москва кабацкая» с надписью: «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне», читает ей стихотворения из своего персидского цикла. Самое знаменитое из них было написано уже на второй день после знакомства.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера,

что ли,

*Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь*

при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

30 декабря в Батуми выпал небывалый снег. Высота сугробов доходила до трех с половиной метров. Такое в тропическом городке случается раз в сто лет. Шаганэ вспоминала, что в эти дни Есенин катал ее на санях, сидя на месте возницы...

Батуми и сейчас, спустя ровно сто лет, хранит память о пребывании Сергея Александровича Есенина — здесь установлены памятные таблички, проводятся экскурсии, устраиваются вечера. Город живет под сенью его светлого имени...

В 1947 году в путешествие по СССР отправился Джон Стейнбек, всемирно известный американский писатель, обладатель Пулитцеровской и Но-

белевской премий. Его сопровождал знаменитый фотограф Роберт Капа. Свои впечатления от поездки Стейнбек отразил в репортажах в американской прессе, которые позже легли в основу его знаменитого «Русского дневника». Писатель побывал в Москве, Киеве, Сталинграде. Последним пунктом в его маршруте значилась Грузия — в «Русском дневнике» ей посвящены почти 60 страниц. «Где бы мы ни были — в России, в Москве, на Украине, в Сталинграде, магическое слово «Грузия» возникало постоянно, — пишет Стейнбек. — Люди, которые ни разу там не были и которые, возможно, и не смогли бы туда поехать, говорили о Грузии с восхищением и страстным желанием туда попасть. Они говорили о грузинах как о суперменах, как о знаменитых выпивохах, известных танцорах, прекрасных музыкантах, работниках и любовниках. И говорили они об этом месте на Кавказе у Черного моря просто как о втором рае. Мы стали верить, что большинство русских надеются, что если они проживут всю жизнь в честности и добродетели, то когда умрут, попадут не в рай, а в Грузию».

В Тбилиси Стейнбек и Капа посещали церкви, музеи, духаны, даже сходили на футбольный матч чемпионата СССР между «Динамо» Тбилиси и «Динамо» Киев. Побывали в родном городе Сталина — Гори. А затем отправились в Батуми.

Они остановились в гостинице «Интурист», которую Стейнбек назвал самой благоустроенной гостиницей в Советском Союзе. Кстати, архитектор зда-

Джон Стейнбек и Ираклий Абашидзе играют на саламури

ния Алексей Щусев в 30-х годах прошлого века лично руководил процессом строительства и отделки фасада батумского «Интуриста».

Батуми поразил американцев своими пейзажами, тропическим климатом, обилием фруктов, огромными чайными плантациями, природным разнообразием. Они много гуляли, осматривали город и окрестности, общались с местными жителями, ужинали в различных ресторанах и компаниях. Гостеприимство батумцев не знало границ, и под конец Стейнбек признался: «Мы были измучены едой, вином и впечатлениями».

С точки зрения писателя, тропический климат не умалял жизнеспособность жителей Батуми, а, наоборот, усиливал ее: «Эти потрясающие грузины нам неровня. Они могли переест, перепить, перетанцевать и перепеть нас. В них бурлило яростное веселье итальянцев, физическая энергия бургундцев. Все, за что бы они ни брались, они делали с лихостью. Они ничуть не похожи на русских, с которыми мы встречались, и легко понять, почему ими так восхищаются граждане других советских республик. Ничто не в силах сокрушить их индивидуальность или волю. Многие столетия это пытались сделать завоеватели, царские армии, деспоты или местная знать. Все разбивалось об их волю, и ничто не смогло хоть как-то поколебать ее».

Конечно, Стейнбек ничего не выдумывал – он лишь констатировал то, что видел, что было на самом деле.

Ему суждено было побывать в Грузии лишь один раз, но он сохранил в себе любовь к этому чудесному месту на всю жизнь, и страницы «Русского дневника» говорят сами за себя: «Грузия – это волшебный край, и в тот момент, когда вы покидаете его, он сразу становится похожим на сон. И люди здесь волшебные. В самом деле, это одно из богатейших и красивейших мест на земле, и грузины его достойны. Теперь мы, наконец, поняли, почему русские, с которыми мы общались в Москве, всегда нам говорили: «Пока вы не видели Грузию, вы не видели

ничего».

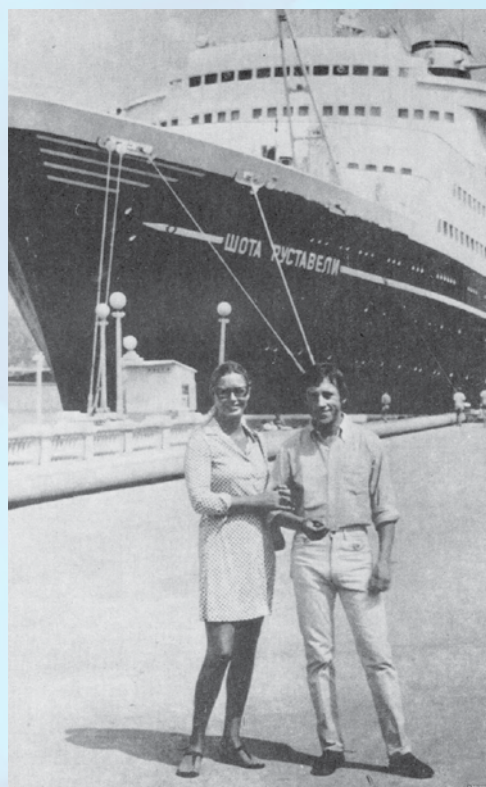
Владимир Высоцкий, легендарный поэт, бард, актер, тоже бывал в Батуми, и не единожды. Начиная с 1968 года Высоцкий (как правило, вместе с Мариной Влади) каждый год отправлялся в круиз на теплоходе по Черному морю – плывал на теплоходах «Аджария», «Шота Руставели» и «Грузия», которые курсировали по маршруту Одесса-Батуми. В иной год он совершал и по два круиза на разных судах. Вот и подсчитайте, сколько раз Владимир Семенович бывал в Батуми.

А первый раз Высоцкий здесь оказался в 1966 году, во время съемок фильма «Вертикаль», которые проходили в Сванетии. Дело в том, что Высоцкий, особо и не стараясь, почти невольно отбил девушку, артистку массовки, у влюбленного в нее свана. Ситуация грозила неприятностями, назревал скандал, и тогда режиссер картины Станислав Говорухин срочно увез актера в Батуми – как говорится, от греха подальше, и они провели там два прекрасных незабываемых дня (за подробностями рекомендую обратиться к книге воспоминаний Говорухина «Вертикаль. Место встречи изменить нельзя»).

Если честно, лично я не знал и не предполагал, что «Вертикаль» частично была снята в Грузии. Мне казалось, что съемки проходили где-то на Эльбурсе, и я даже признался в этом Станиславу Сергеевичу, когда мы встретились и беседовали в Саратове. Оказалось, фильм действительно снимали в Приэльбрусье – в Баксанской долине и ущелье Адыл-су, а вот начальные кадры картины сняты в Местии – это городок в Сванетии, расположенный на южном склоне Большого Кавказа.

О пребывании в Батуми поэт и бард оставил стихи, в которых есть такие иронические строчки:

*Теперь я буду сохнуть от
тоски
И сожалеть, проглатывая
слиюни,
Что не доел в Батуми
шашлыки
И глупо отказался от
сулгуни...*

Марина Влади и Владимир Высоцкий

*О как мне жаль, что я и
сам такой
(Пусть я молчал, но я ведь
пил не реже),
Что не могу я моря взять
с собой
И захватить все солнце
побережья.*

Вообще, начиная с 1966 года, Высоцкий приезжал в Грузию не один десяток раз. Он бывал в Тбилиси, Батуми, Сухуми, Пицунде, Лидзаве, Гагре, Местии, Бакуриани, Цхнети, Мцхете... Высоцкий любил Грузию, и Грузия отвечала ему тем же.

Как видите, все находили что-то свое в этом удивительном городе. И каждый из них, великих (а перечислить всех просто невозможно), оставлял о городе свое памятное свидетельство – стихотворение, дневниковую запись, песню, пьесу, живописное полотно...

Батуми продолжает оставаться колоритным местом, где культура возведена в ранг вековых традиций. Побывавший здесь хоть раз, навсегда сохраняет его в своем сердце и мечтает вернуться в Батуми снова.

Georgia Fashion Week

КРАСКИ БУДУЩЕГО НА ПОДИУМЕ ТБИЛИСИ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

В октябре Тбилиси засиял всеми красками лета — здесь прошла Georgia Fashion Week.

На подиуме столицы представили модные тенденции будущего сезона коллекции сезона весна-лето 2026: женские, мужские и детские линии. Дизайнеры из Грузии, Италии, Кувейта, Казахстана и Украины сочетали традиции и смелые решения, создавая образы, которые задают стиль следующего года.

Грузинская неделя моды прошла уже в шестой раз — событие традиционно проводится дважды в год, весной и осенью, собирая на одном подиуме ярких представителей индустрии из разных стран.

Дизайнер и глава Georgia Fashion Week Тинатин Магалашвили так говорит о нынеш-

нем сезоне: «У нас формат смешанной моды. Первые два сезона мы проводили Couture Fashion Week, но найти кутюрных дизайнеров оказалось не просто. И к тому же нас стали упрекать: почему игнорируете авторов, работающих в стиле prêt-à-porter? Так мы пришли к смешанному формату, который сегодня представляет все разнообразие направлений на грузинской неделе моды. Каждый сезон становится лучше предыдущего — все решают нюансы. Площадка остается той же, но мы тщательно подбираем коллекции, программу выстраиваем динамично, чтобы зрителю было интересно. И, конечно, хочу поблагодарить грузинскую публику — она всегда нас поддерживает».

В этом сезоне представили

19 коллекций — от высокой моды до prêt-à-porter (буквально «готовое для носки», фр.), включая женские, мужские и детские линии.

Среди участников — София Харчилава, основатель и креативный директор модного бренда. Уже 25 лет она создает одежду, наполненную любовью и светом. Ее коллекции — это истории, рассказанные языком цвета и движения, пространство эмоций, где ткань становится голосом, а форма — чувством.

В этом году бренд Софии Харчилава представил коллекцию «Lost Sun» — воспоминания, сотканые из ткани и эмоций, воплощенные в жизнь. Она посвящена Абхазии — солнцу потерянного, но не забытому. Коллекция расцвела мандариновыми и белыми оттенками

София Харчилава

– символами тепла, сладости и дома, который грузины бережно хранят в сердце. Это была настоящая монодрама чувств – театральное путешествие по прошлому и настоящему, где цвет, фактура и движение звучали громче слов. «Я участвую в Грузинской неделе моды уже в третий раз. Уровень этого события действительно очень высокий. Атмосфера, обстановка, прекрасные дизайнеры – все вдохновляет. Для меня Грузинская неделя моды стоит на первом месте», – поделилась своими впечатлениями София Харчилава.

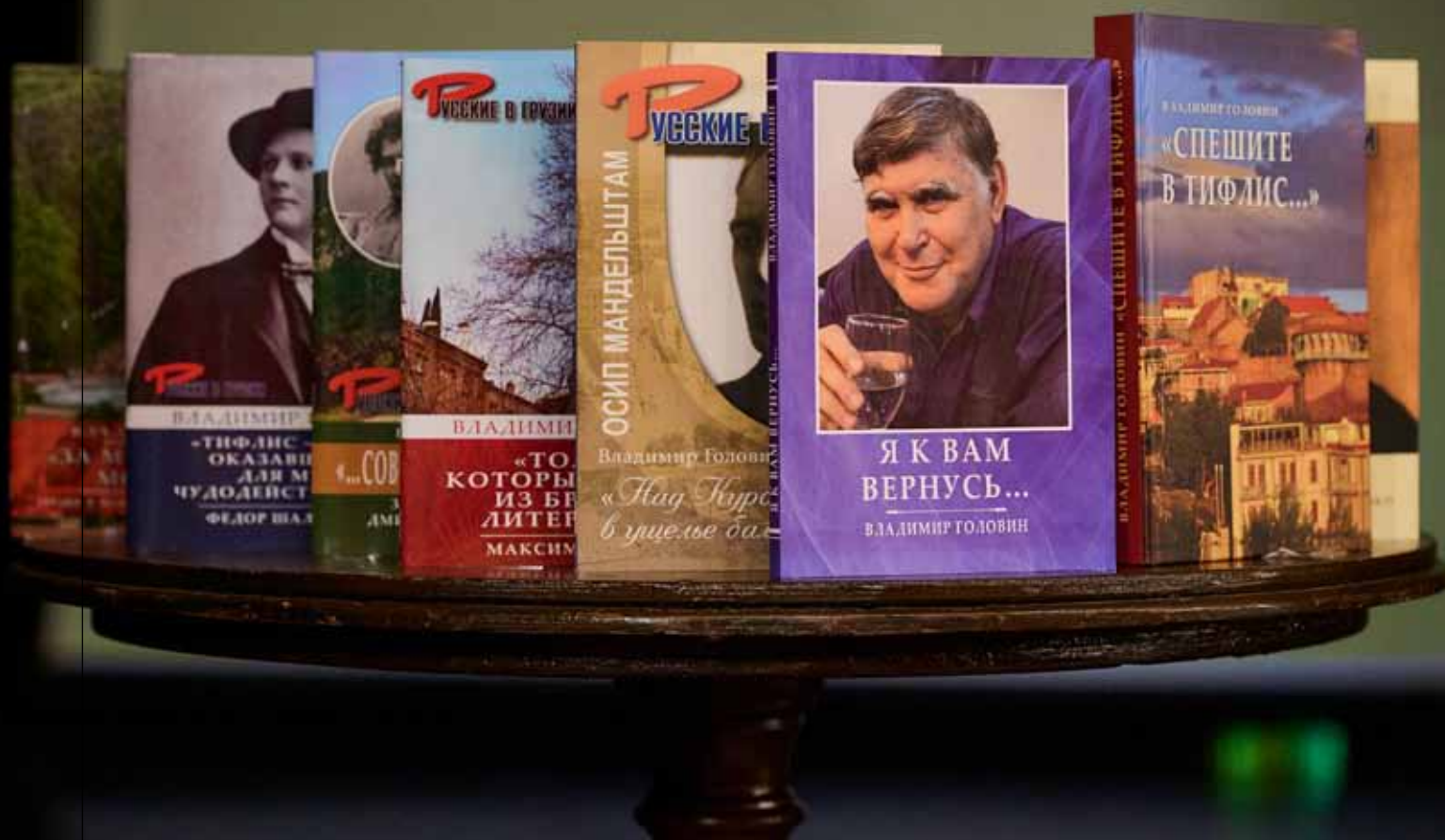
Единственным представителем детской моды на показе стал казахстанский модельер Азамат Саин, который 15 лет

создает коллекции для юной аудитории. На Georgia Fashion Week он приехал уже в шестой раз. «Организация здесь на самом высоком уровне – свет, подиум, музыка, бэкстейдж – все продумано до мелочей, именно так, как нужно дизайнерам и моделям. Каждый сезон мы обновляем коллекцию, вносим в нее новое дыхание. Мы, художники, вдохновляемся всем, что нас окружает. Грузинская публика всегда принимает наши коллекции с восторгом, а показы неизменно сопровождаются шквалом аплодисментов. В этот раз мы представили новую коллекцию, добавив элементы этники – национальные казахские узоры, каждый из которых имеет свое значение. Особую

атмосферу создала национальная музыка в современной интерпретации», – сказал Азамат Саин.

Грузинская неделя моды вновь собрала публику и вызвала настоящий восторг. Несмотря на изобилие идей и образов в современном мире, у дизайнеров все еще есть что сказать миру. Вдохновение мастеров пробуждает в сердцах эмоции и желание впитывать и воплощать их идеи в собственных образах. И хотя зима еще впереди, уже известны тенденции весенне-летнего сезона.

Следующий показ Georgia Fashion Week состоится весной 2026 года.

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ...

■ СОБ.ИНФ.

Фото: Александр ИМЕДАШВИЛИ

21 ноября состоялся вечер памяти нашего друга, настоящего тбилисца, замечательного журналиста, поэта Владимира Головина. В этот день ему бы исполнилось 75... Первый юбилей без юбиляра...

Малый зал Грибоедовского театра собрал родных и близких Владимира Георгиевича, однокурсников, друзей, коллег, его читателей и почитателей...

Вечер открыл президент «Русского клуба» Николай Свентицкий. «Незаменимые люди есть, и Вова Головин – из этого немногочисленного ряда, – сказал он. – Он был действительно неповторимым человеком – одаренным, ярким, про-

фессиональным. Искушений и возможностей уехать у него было множество. Он и уезжал. Но всегда возвращался. Потому что, мне кажется, не мог жить, не мог дышать без своего любимого Сололаки. Нам без него очень трудно».

С воспоминаниями о друге выступили журналист Андрей Белявский, доктор филологических наук Мария Филина, художник, поэт Михаил Ляшенко, журналист Додо Ахвледиани.

Стихотворения Владимира Головина прозвучали в исполнении актрисы театра им. А.С. Грибоедова Аллы Мамонтовой. А затем выступили барды и музыканты – Роб Авадьяев, Анна

Григ, Гога Чкония, Вахтанг Арошидзе и Лариса Новосельцева.

По завершении вечера каждый зритель получил в дар книгу «Владимир Головин. Я к вам вернусь...», изданную «Русским клубом» в своей знаменитой серии «Русские в Грузии». В нее вошли очерки о Вове Головине, воспоминания его друзей и коллег, а также его стихотворения.

*Я буду рядом в шорохе
листвы,
в прибое моря, в запахе
мороза,
когда хоть в чем-то будет
вам угроза,
когда по мне скучать
начнете вы...*

Николай Свентицкий

Елена Головин

Алла Мамонтова

Роб Авадьяев

Гога Чкония

Анна Григ

Андрей Белявский

Лариса Новосельцева

Вахтанг Арошидзе

Мария Филина

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Рассказ

Бесо ХВЕДЕЛИДЗЕ

Перевод: Нина Шадури

Вдоль центральной дороги, где-то между Хашури и Гори, внимательный взгляд с легкостью заметит выстроившиеся по обеим сторонам в ряд двух-трехэтажные гостиницы, где иногда коротают ночи дальнобойщики – водители трейлеров. После долгого пути для них ничто не сравнится с вкусным ужином, горячим душем и белоснежной постелью, которую порой согревает местная девушка, пышущая здоровьем. Таково меню услуг некоторых из этих гостиниц, о чем хорошо осведомлены водители всех мастей. Дорога-то утомляет. Человек по-своему истощается, тем более если эта дорога ему знакома, и он едет по ней не в первый раз. Кто бы он ни был – местный или из-за Лихского хребта, турок или армянин, русский или татарин – ночная гостиница никого не оставит довольным. Разумеется, за редким исключением.

Так должно было произойти и той ночью. На границе между осенью и зимой, когда уже очень холодно, и мороз, стоит только налететь ветру, пробирает до костей, возле одной гостиницы (нет смысла указывать ее точное местоположение) стояло три трейлера. Два из них были похожи: по бокам, выкрашенным в красно-желтый цвет, огромными буквами было написано название одной и той же фирмы. Третий трейлер был черным, с сияющими белыми восклицательными

знаками по всему багажнику, в котором, видимо, перевозили нечто особо важное.

Гостиница сверкала ослепительным светом, и было понятно, что там еще никто не спит. И точно – водители двух одинаковых трейлеров, мужчины лет сорока, играли в столовой в бильярд, ожидая, пока им подадут на стол. Там же, в кожаном кресле, перед висющим на стене телевизором сидел пожилой водитель черного трейлера с грустным лицом и молча смотрел на голубой экран.

Некоторое время спустя водители, игравшие в бильярд, оставили игру и сели за накрытый стол; настороженно откусив по первому куску, молча жевали. Затем разлили по стаканам водку и посмотрели на сидящего у телевизора.

– Братишка! – обратился тот, что похудошавее, к водителю черного трейлера. Тот в ответ очень медленно повернул голову. Взгляд глубоко посаженных глаз на гладко выбритом, бледном, как полотно, покрытом возрастными морщинами лице был уставшим и погасшим. Очевидно, он был не в настроении.

– Не опрокинешь с нами стаканчик? – спросил толстый водитель, второй из сидящих за столом, и с улыбкой поднял стакан. Водитель черного трейлера не произнес ни звука, отвернулся к телевизору и продолжил смотреть фильм. Повисла неловкая тишина.

Сидящие за столом водители посмотрели друг на друга с удивлением. По лицам обоих пробежало напряжение. Затем, не говоря ни слова, они холодно чокнулись и выпили. В это же время в зал вошла официантка и подошла к столу.

– Может, что-нибудь еще желаете? – спросила она.

Худой водитель пальцем поманил официантку и пошептал ей на ухо. Официантка посмотрела в сторону водителя черного трейлера, сидящего у телевизора, наклонила голову и что-то прошептала в ответ.

– Тогда ладно, – пробормотал худой и в знак согласия тяжело кивнул.

Официантка развернулась и быстро вышла из зала. Сидящие за столом водители опять уставились друг на друга.

– Ну, что? – с интересом спросил у худого толстый.

Худой вместо ответа оторвал веточку циммата, обернул ее вокруг кусочка мчади и, обмакнув в соль, отправил в рот. Потом быстро наполнил стаканы и поднял свой.

– Бог в помощь всем несчастным! – угрюмо сказал он и чокнулся с толстым. Толстый осторожно взглянул на сидящего у телевизора и снова перевел взгляд на худого.

– Скажешь?

Худой ничего не ответил – переложил себе пхали и полил ткемали.

– Что я должен сказать? – пожал он плечами и принялся есть. – Я спросил, не иностранец ли он. Оказалось, нет...

Толстый снова глянул на водителя черного трейлера, сидящего у телевизора, опять повернулся к столу и тоже продолжил ужинать. Некоторое время они молча ели, глядя в тарелки. Затем худой опять разлил и поднял стакан.

– Чего только не повидает человек на своем веку, – чокнулся он с толстым. Резко повернулся в сторону сидящего у телевизора и поднял стакан. – Братишка... Кто бы ты ни был, иди сюда и выпей с нами один стакан, если мужчина!

Водитель черного трейлера все так же медленно повернул голову. Молча, грустными глазами посмотрел на накры-

тый стол, затем вновь перевел взгляд на экран и переключил канал. По телевизору передавали футбольный репортаж. «Вы должны согласиться со мной, уважаемые телезрители, что сегодняшняя игра наших нападающих не выдерживает никакой критики», – слышался сиплый голос комментатора. Водитель черного трейлера снова переключил канал. На этот раз он задержался на музыкальном. «Приглашаю тебя на весну», – пел молодой человек с гитарой. У сидящих за столом по лицам снова пробежало смещение. Толстый встал, подошел к сидящему у телевизора и, сунув руки в карманы, встал над его головой. Некоторое время молча смотрел, сдвинув брови. А водитель черного трейлера даже и не взглянул в ответ – уставившись на экран, молчал.

– Мы тебя обидели чем-то, хоть брат нам будь, хоть дядька? – внезапно спросил толстый и низко наклонил голову.

На этот раз водитель черного трейлера на секунду взглянул на толстого. Затем выключил телевизор, быстро вскочил и твердым шагом подошел к столу. Сам налил водку в пустой стакан, наполнив стакан до краев, и выпил до дна, так и не проронив ни слова.

Худой с удивлением посмотрел на толстого. Опешивший толстый медленно вернулся к столу и тяжело опустился на стул.

– Тут что-то не так, – в первый раз подал голос водитель черного трейлера и уставился на стену.

– Садись, брат, садись, – худой выдвинул водителю черного трейлера стул, хотя тот не обратил на это внимания. Явно было видно, что он нервничает.

– Что не так, брат? – спросил, нахмурившись, толстый.

Водитель черного трейлера на мгновение ушел в свои мысли. Затем внезапно очнулся и беспокойно посмотрел на сидящих за столом.

– Вы-то только приехали, а я уже второй день здесь, – начал было он объяснять и сразу же замолчал, так как в зал опять вошла официантка и остановилась у стола.

– Значит, вы все-таки ничего

не хотите? – спросила она, подбоченившись. Худой немедленно ответил:

– Погоди, сестренка, будь человеком... Коли чего захотим, сразу же позовем...

Официантка согласно кивнула и быстро вышла из зала.

– Чего-чего? – худой с интересом посмотрел на водителя черного трейлера, и тот сперва сел на стул, затем залпом осушил стакан и глубоко вздохнул:

– Вы меня не знаете, я Тите, по фамилии – Квавилиа (цветок, груз.). Из Магалмта (Высокая гора, груз.)...

– У тебя хорошая фамилия, дядя, – улыбнулся толстый.

Водитель черного трейлера печально махнул рукой.

– Наша род – род цветочников, – продолжил он негромким голосом. – Может, слышали? Мы занимаемся этим делом с давних времен. Сколько помню и слышал, целых семь поколений, и до них тоже, были цветочниками... Мой прадед, дед и отец... Хорошие уважаемые люди... Так и жили – весь день проводили в цветах и среди цветов... Чего они только не знали... Все знали... Никого уже нет на этой земле... Черт бы побрал эту жизнь проклятую... Хотя в мирное время я не нуждался, голова ни о чем не болела, спокойно продолжал дело предков... Но кто тебе даст жить спокойно?... Однажды приехали грузовики... С какими-то устройствами... Начали взрывать и рушить горы... Вывозить землю... Золото, мол, в этой земле... А что же другое там может быть... Прокладывают, мол, дорогу стратегического значения... Какой же цветок выдержит такие бедлам, грохот и бедствие? Разорили весь фамильный сад... Что за жизнь пошла... Вот сегодня вы увидели меня – меня, которого превратили в обыкновенного шофера... А где же мой сад цветов?.. Вожу туда и обратно то масло, то стройматериалы, то муку... Чего только не перевозил... Да, измучен я, как и вы, этой обыкновенностью... Кажется, что меня уже и нет, а вместо меня кто-то другой в моей шкуре сидит... Говорю вам, я столько перетерпел до сегодняшнего дня, но теперь все, конец!.. Нет сил, поэтому хочу все рассказать!

Водитель черного трейлера посмотрел по очереди на сидящих за столом худого и толстого. Оба снова с удивлением переглянулись. Затем повернулись к водителю черного трейлера и согласно кивнули. Тот уже положил себе картошки, полил ткемали, взял вилку. И глядел на толстого – как будто ждал, когда тот посмотрит на него, чтобы продолжить свой рассказ.

– Ну, братья, начну издалека. Не люблю я придорожных гостиниц, – он говорил, параллельно поедая картошку. – Всегда предпочитаю частным образом... Машину там же ставлю... Чувствую себя уютно, как в семье... Вы же знаете местные традиции... Настоящее гостеприимство... Чудесные обычаи... Слыханное ли дело их избегать?

– Благодатный край, благословенный, – вставил толстый напряженным голосом.

– Хорошо замечено... И вот два дня назад пришлось мне ехать здесь ночью, и такая ночь была – луны не видно, темно, хоть глаз выколи... В эту ночь темень куда мне надо было податься... К тому же сейчас я выполняю спецзаказ... Вся машина заполнена шелкопрядом – коконами гусениц... Оказывается, где-то у черта на рогах открывают огромную тюльпановую оранжерею, и им понадобились бабочки. И это правильно – где цветок, там и бабочка... Заказали и выписали... Как на зло, именно мне приходится их перевозить, уже две ночи весь трейлер ужасно гудит и шуршит...

И вновь толстый и худой удивленно посмотрели друг на друга.

– Я остановился в этой гостинице, – продолжил водитель черного трейлера и переложил себе пхали. – Вот уже вторую ночь дожидаясь напарника... Очень опаздывает... А я его даже и не знаю. Что за человек, кто таков... Должен был приехать оттуда еще позавчера рано утром на пустом трейлере... Я бы пересел на его трейлер, а он бы туда повел мой... Он-то позвонил, предупредил, опаздываю, мол, но разве таким образом поможешь гусеницам?.. А если они до тех пор

вылупятся и погибнут, что мне тогда делать?... Бабочке цветок нужен, цветок!.. Это-то я хорошо знаю... К тому же в здешней гостинице мне ничего не понятно...

— Ничего особенного... Обычное место... — посмотрел вокруг худой, чокнулся по очереди с сидящими за столом и быстро выпил.

На окнах столовой висели плотные синие шторы, обитые деревом стены потемнели от старости.

— Называйте обычным, но... — подхватил водитель черного трайлера и полил пхали майонезом. — Вот вам сейчас придется провести тут первую ночь, а я уже две ночи мучаюсь...

— Да что же такое здесь происходит? — удивился худой и с испугом посмотрел на толстого.

— Я и сам ничего не понял, — сказал водитель черного трайлера и оторвал кусок лаваша.

— Что — ничего? — спросил толстый водителя черного трайлера и заметно напрягся.

Водитель черного трайлера по очереди посмотрел на сидящих и глубоко вздохнул.

— Так ведь любая непонятка непременно со мной должна приключиться... И в чем таком я провинился? К тому же эти гусеницы... Цветочная оранжерея, мол... Ничего более странного я еще не перевозил... И опять-таки все с цветами связано, вот из-за чего с ума схожу, ничего больше... Проклятье это или что другое, не могу понять... Если бы вы знали, как спокойно я прожил свою жизнь... Курица она и есть курица, так даже ее ни разу жизни не лишил, не говоря уже об индюшке, утке, свинье, корове и им подобных... Я же говорю — безумно любил цветоводство... Если бы вы знали, как любил... Это все гены виноваты, ничего больше... В душе вы, наверное, упрекнете меня — надо было убится, но не позволить осквернить отчую землю... Что ж делать, как вам ответить... Не оказался я сильным... Получается, предал свой род, но знаю одно — когда-нибудь обязательно вернусь... Обязательно... Да и сердце мое в последнее время как-то по-другому бьется...

Увидев застывшие лица водителей, водитель черного

трайлера опомнился, вытер влажный лоб платком и не стал затягивать дальше — тут же решил к главному:

— Не буду вас мучить, люди добрые, коротко расскажу обо всем, — при этом он отправил в рот огромный кусок. — Значит так, две ночи. Посреди ночи, еще двух часов не было, сплю себе спокойно и вижу сны... Если бы вы знали, какие цветочные сны мне снятся... Такие душистые, такие... К тому же все время вижу во сне свой сад... Словно он снова существует, но где-то в незнакомом месте, и ждет меня... Это тоже фамильное дело, уверен, это знак, но кто дал возможность сон досмотреть... Постучали в дверь...

Водитель черного трайлера с аппетитом проглотил прожеванный кусок. Затем обмакнул зелень в соль и принялся шумно жевать.

— Что-что? — удивился толстый.

— Я тут же проснулся, — продолжил водитель черного трайлера. — Хорошие сны — это, конечно, хорошо, но сон у меня чуткий... На любой шорох открываю глаза, а на стук — тем более... Что поделаешь... «Кто там?» — спокойно спрашиваю, не вставая с постели... Слышу женский голос: «Это мы»...

На этот раз водитель черного трайлера переложил себе шашлыка и начал его нарезать.

— С трудом встаю... Последнее время поясница мучает... Всовываю ноги в тапочки... У меня всегда с собой мои тапочки... Все-таки, кто знает, куда попадешь... Свои вещи — это все-таки свои вещи... Кому можно верить в этой чертовой жизни... Ну вот, заворачиваюсь в одеяло и открываю дверь...

Толстый и худой молча слушали водителя черного трайлера.

— Представьте себе, входят три женщины... Молодые... Стройные... Такие, каких по телевизору показывают! — произнес он с театральным апломбом.

Толстого и худого одновременно отпустило.

— Ух, чтоб тебя, братишка! — с улыбкой сказал худой и разлил водку по стаканам.

— Что, думаю, за чертовки? Зачем явились посреди ночи?! — водитель черного трайлера с удивлением широко повел рукой, в которой держал вилку. — Пока я прихожу в себя, они входят и садятся в кресла... Даже не спрашивают ничего... Закидывают ногу за ногу, а платья на них такие короткие, смотреть стыдно.

Толстый и худой захихикали, но водитель черного трайлера не обратил на это никакого внимания.

— Затем достают папиросы из сумок... Ну, такие, совсем тоненькие... На них еще что-то нарисовано, как на обоях... Дымят и смотрят на меня грустными глазами... И обкуривают мою комнату... А кому охота спать в дыму? Откроешь окно, чтобы проветрить, да и замерзнешь... Сигареты сигаретами, но у их сигарет совсем другой запах... Тоже цветочный... Как у настоящих цветов... Сумасшедшее дело... Спрашиваю: «Чего хотите? Кто вы? Зачем пришли? Это сон или явь?»

— Так и знал! — потер руки толстый, поднял наполненный стакан, но водитель черного трайлера не дал ему сказать.

— Встают и выходят, покачивая задом... Недовольные... Обиженные... С паническим выражением на лицах... Позавчера приходили... И вчера пришли... Мне моих бед хватает с этим ожиданием, а как я могу уснуть после такого... В тот же день я пожаловался хозяину гостиницы...

— Это тот самый? — включился, улыбаясь, худой. — Который ходит здесь целый день в белых брюках?

— Тсс! — быстро приложил палец к губам водитель черного трайлера. — Думаю, здесь и у стен уши есть...

— Скажи еще — носы! — толстый снова поднял стакан и посмотрел на сидящих за столом. — За наше знакомство, брат... Не переведутся хорошие люди на этой земле...

Все трое сразу выпили. Некоторое время молча жевали. Толстый и худой посмеивались про себя.

— «Какие женщины? Что за женщины?» Он тоже удивился... У нас, мол, нет таких... —

продолжил шепотом водитель черного трайлера. — Дурачина... Еще и смеялся... А что здесь смешного? Может, мол, тебе померещилось?... А мне если что и мерещится, так это... Чуть не помер с хохоту...

На толстого и худого напал смех, но, увидев озабоченное выражение лица водителя черного трайлера, они одновременно замолчали.

— Я хотел, братья мои, попросить вас... — голос водителя черного трайлера вдруг задрожал. — Мы только что познакомились, но осмелюсь сказать вам... Мы тут все одной профессии, так? Держимся за руль, и не дай Бог взять в руки что-то плохое... Знаем, что такое газ, и еще лучше — что такое тормоз... Может, не поленились выполнить мою просьбу... Не знаю... Неудобно, конечно, приглашать в такой поздний час, но что же мне делать?... Очень сильно вас прошу... Сильнее некуда... Может, зайдете ко мне часа в два и сможете разобраться... Их ведь трое... Дылды... Породистые... Что за мать их родила...

Толстый и худой опять изумленно переглянулись. В зал снова вошла официантка и остановилась около стола.

— Что-нибудь повторить?

Худой, помахав рукой, отказался, и официантка вышла из зала.

— Вот привязалась, — удивился толстый.

— Очень прошу, братья мои, — перешел на мольбу водитель черного трайлера. Толстый и худой от неловкости заерзали на месте. — Умоляю, правда... Я простой человек... Жены и детей у меня не было никогда... Их мне цветы заменяли... Я же говорил — в горах, в селе, целый сад у меня был, родовой... Любые цветы, какие душе угодно, можно было там увидеть... Самые разные... Всех цветов... А я мечтал путешествовать по чудесным местам, находить новые цветы... Но все-таки не смог далеко поехать, да и в какие дали отправишься, когда тут такое творится... Эта жизнь сумасшедшая заставила руль в руки взять. А так — что я здесь потерял? — Водитель черного трайлера быстро вскочил и нервно опустошил полный ста-

кан. — Не знаю, что и думать...

Толстый и худой одновременно потеряли руки.

— Я в пятом номере... Золотым цветом на двери написано... — У водителя черного трайлера задрожал голос. — Если пообещаете, что к двум часам постучите три раза, я вовсе не засну... Сразу пойму, что это вы... Те стучат совсем по-другому... Совсем по-другому... Не бросайте меня, умоляю... Да ниспошлет вам Всевышний мира... Жду вас, братья мои, да?!

Толстый и худой согласны кивнули. Водитель черного трайлера немного повеселел и повел плечами.

— И еще одно скажу вам... Самое главное... Мне скрывать нечего, — вспомнил он внезапно и перенес стакан в другую руку. — Должен вам рассказать о самом удивительном и странном, что и свело меня с ума, добрые мои люди... Напоследок оставлял, как лакомый кусочек... Еще больше вас должен удивить, братья мои... Еще больше...

Толстый и худой, снова нахмурившись, смотрели на водителя черного трайлера.

— Что еще? — спросил толстый и упер руки в широкие бока.

— О таком я, правда, никогда не слыхивал, — прошептал водитель черного трайлера, приподнимая плечи. — И вы о таком тоже не слыхивали... Скажете — двинулся я... И не удивлюсь. Если б я от кого услышал подобное, точно так же подумал бы...

— Да что там такое? — не стерпел худой.

— Хотите верить, хотите нет — у всех трех есть крылья, — шепотом сказал водитель черного трайлера, и в столовой повисла неловкая тишина.

— Крылья, как у ба-бо-чек, — снова шепотом, но подчеркнуто по слогам произнес водитель черного трайлера. — Пестрые, красиво обрисованные крылья... Из плеч растут... Ну, и как это называется? Только не говорите, что я сумасшедший или двинутый! А то местные именно так и думают...

Толстый и худой с искаженными лицами смотрели на водителя черного трайлера.

— Придете и все увидите своими глазами... Обязательно

приходите, если вы мне братья... Не то что они, я и сам думаю, что сошел с ума... Не подведите, мои хорошие, жду с нетерпением! — с этими словами водитель черного трайлера опрокинул водку. Затем по очереди пожал руку ошарашенным толстому и худому и почтительно склонил голову.

— На вас надеюсь, братья, люди мои дорогие! — произнес он с чувством и, резко повернувшись, скорыми шагами поднялся по внутренней деревянной лестнице на второй этаж. И быстро скрылся с глаз.

Через некоторое время со второго этажа послышались его шаги. Затем — звяканье ключей, звуки открываемого и закрываемого дверного замка. Потом все стихло.

Толстый и худой смотрели друг на друга, и с их лиц не сходило удивление.

— Он чокнулся или разыгрывает нас? — высказал предположение толстый.

— По-моему, педераст, — тихо добавил худой.

— Крылья, скажет тоже. Чешуя...

— Зато все съел и выпил, — толстый недовольно осматрел стол и вдруг чихнул изо всех сил. На звук вошла официантка и остановилась у стола.

— Звали, господа?

Худой и толстый опять изумленно переглянулись. Потом худой раздраженно посмотрел на официантку.

— Как тебя зовут, сестренка?

— Пепела* (*бабочка, груз.), — ответила официантка.

На какое-то время воцарилась тишина. Затем толстый и худой принялись от души хотать, и официантке ничего не оставалось, как покраснеть, подбочениться и ждать.

— Что тут смешного?! — через некоторое время спросила она таким тоном, что слегка присмивевшие водители сразу посерьезнели.

— Чего только не увидят такие люди, как мы, у вас, сестренка, — постарался как можно мягче сказать худой, но лицо официантки стало еще строже.

— Еще не то увидишь! — холодно сказала она и сурово взглянула на сидящих за столом. — Ну, ничего не хотите, мне

так и стоять?

Толстый и худой одновременно встrepенулись. И так же одновременно посмотрели на опустевший стол, пожали плечами.

— Вдарим еще по одной? — спросил худой толстого, и тот кивнул головой.

— А что, идти спать, что ли... Разве я сейчас засну...

— Принеси-ка нам, сестренка, еще одну бутылку водки и прихвати пару бутылок лимонада...

Официантка записала заказ в маленький блокнот, который достала из нагрудного кармана, и посмотрела на водителей.

— А закусу?

— Закусу? — задумался толстый и посмотрел на худого. — А денег нам хватит?

— Деньги-то есть, — худой ударил рукой по пухлому карману.

— Тогда возьмем еще чего-нибудь, а то, мне кажется, из-за этого мужика я так ничего и не поел. — И толстый посмотрел на потолок.

— Повтори, моя Пепела, — поддержал худой толстого. — Один шашлык, пусть картошки пожарят, соленья принеси, настоящие... Чего еще хотим?

— И посиди с нами две минутки, — предложил, подмигнув, толстый, но официантка моментально обиделась.

— Для этого у меня времени нет, дорогой, я на работе...

— Всего две минутки, — показал два пальца худой, а потом умоляюще обхватил себя рукой за шею.

Официантка холодно покачала головой и молча вышла из зала.

Худой и толстый смотрели друг на друга. Долго сидели молча. Затем толстый подал голос:

— Что же делать... Не податься ли в два часа к нашему дядьке-дедке?

— А если приставать начнет, что потом?

— Я ему так пристану... — напрягся толстый. — Выброшу в окно... Не хочется ему больше сидеть за баранкой?

— Крылья какие-то... Он дурак или дебил?

Худой прикурил сигарету и с удовольствием затянулся. Как раз в это время вошла офици-

антка с водкой и лимонадом, и водители одновременно потеряли руки.

Захмелевшие, с раскрасневшимися лицами, водители сидели во вращающихся креслах в своем двухместном номере и смотрели телевизор.

В телевизоре выпендривалось полуодетое женское трио, впрочем, песня не слышалась, звук был отключен.

— Не пойти ли нам? — толстый посмотрел на часы и повернулся в сторону худого. — Уже два...

Худой тяжело качнул головой и быстро вскочил на ноги. Пошатываясь, возвел глаза к потолку, громко икнул и положил руки в карманы.

— Ладно, а если все будет так, как рассказывал дядька, что будем делать? — спросил он, все так же глядя вверх, а потом с интересом посмотрел на толстого.

— Ну и ну, как же я напился! — выдохнул толстый. — Пусть сперва произойдет, — ответил он, выключил телевизор, щелкнув пультом, и тоже встал.

— Ну что, двинулись? — спросил он и взглянул на себя в настенное зеркало.

Худой в ответ пожал плечами. Затем согласно кивнул и провел рукой по волосам.

— В каком номере дядька-дедка? — спохватился худой, на что толстый показал пять пальцев раскрытой ладони и потащился к двери. Худой последовал за ним, и вскоре оба оказались в коридоре, освещенном мягким светом.

Пол покрывал бордовый ковер, который заканчивался где-то в конце коридора. Из пронумерованных дверей, расположенных по обе стороны, не раздавалось ни шороха.

Толстый и худой еще раз переглянулись. Затем одновременно качнули головами и двинулись на цыпочках вперед.

В коридоре стояла полумночная тишина, которую едва нарушал скрип пола.

— А чего это мы, как воры, крадемся? — пройдя несколько шагов, раздраженно спросил толстый, и худой быстро подтвердил:

— Незваными гостями нас не

назовешь.

Оба гордо расправили плечи, пьяной походкой отважно прошли оставшийся отрезок коридора и молча остановились перед дверью водителя черного трейлера.

Дверь украшала желтая металлическая табличка, на которой была выбита пятерка.

— Ну давай, стучи, — прошептал худой, и толстый согнутым пальцем осторожно стукнул три раза.

Некоторое время они стояли, замерев, и прислушивались. Никто не ответил. Теперь уже худой постучал три раза — на этот раз громче и резче.

Оба снова замерли и обратились в слух. Из номера не слышалось ни звука.

— Как это он так крепко заснул, бестолочь? — раздраженно сказал толстый и двинул по двери кулаком.

Третьего стука оказалось достаточно, дверь заскрипела и медленно приоткрылась.

— Дядя, это мы! — как можно тише позвал худой и легонько толкнул приоткрытую дверь. Дверь как будто этого и ждала — распахнулась, и стоящие у порога толстый и худой одновременно улыбнулись.

В полутемной прихожей, едва освещенной светом из большой комнаты, стоял резкий запах цветов.

— Как тут все провоняло, — пробурчал про себя толстый и, задев худого плечом, шагнул в номер.

— Знает он свое дело, знает, — довольным голосом ответил худой, вошел следом и закрыл за собой дверь.

— Дядя! — позвал толстый. Он первым вошел в комнату, подпрыгнул от неожиданности и качнулся назад.

Вошедший в комнату худой разинул от изумления рот и вытаращил глаза.

Справа от окна стояла расстеленная кровать.

На кровати с закрытыми глазами и скрещенными на груди руками лежал водитель черного трейлера. Над его головой порхали три пестрые бабочки.

— Что тут происходит? — дрожащим голосом спросил толстый и огляделся.

Все остальное в номере

было обыкновенным — настенное зеркало, два кресла, низкий столик, коврик.

— Что тут происходит? — беспомощно повторил толстый и посмотрел на худого.

Худой бессмысленно хлопал глазами.

— Дядя... — отчаянным голосом позвал толстый.

Водитель черного трейлера лежал неподвижно и не дышал. Бабочки, словно танцуя в воздухе, по очереди садились на его тело.

— Пошли, пошли отсюда... Как бы нас в чем не обвинили, — выдавил из себя худой и, перепуганный, толкнул толстого в плечо.

На рассвете два одинаковых трейлера выезжали с территории трехэтажной гостиницы, расположенной по центральной дороге где-то между Хашури и Гори.

Водители, сидевшие каждый в своей кабине, поочередно со страхом взглянули на одинокий черный трейлер, издававший странные звуки, и медленно, почти бесшумно, направили свои трейлеры на проезжую часть центральной дороги.

В преддверии зимы ударил мороз, дорога заиндевелила и движение было изрядно затруднено, но, несмотря на это, трейлеры все равно быстро исчезли из виду.

— Не очень-то гони! — попросил по мобильному водитель трейлера, идущего сзади, и получил в ответ только одно слово:

— Спешим!

Как потом вспоминали водители цветных трейлеров, по дороге ничего интересного не произошло. Только и было, что они доехали до пункта назначения раньше времени, поставили трейлеры на автостоянке и в ближайшей столовой опустошили три бутылки водки, молча и без всякого лимонада.

— Это что за чертовщина была... — вырвалось после последнего стакана у толстого. От выпитого он раскраснелся, его голова подрагивала.

Худой искоса посмотрел на коллегу. Смотрел довольно долго, и по его лицу было видно, что

он старался собраться с мыслями. Не сумев найти ответа, что-то пробормотал, одной рукой махнул, указательным пальцем второй покрутил несколько раз у виска и вдруг задремал.

Некоторое время он мирно сопел, свесив голову набок. Затем резко пришел в себя, посмотрел вокруг блуждающим взглядом и, нахмурив брови, уставился на толстого.

— Опоздали! — процедил он сквозь зубы.

— Куда, брат? — удивился толстый.

— Опоздали! — отрезал худой, уже икая, с трудом встал на ноги и, пошатываясь, пошел к выходу.

Водители цветных трейлеров довольно поздно добрались до своих домов, не снимая одежды, рухнули в кровати, и в ту же ночь оба увидели один и тот же сон, который больше был похож на видение, чем на обычный сон.

Как будто на рассвете огромный багажник черного трейлера, стоявшего у трехэтажной гостиницы, внезапно треснул посередине и распался на две части.

Как будто оттуда с шумом вылетели тысячи пестрых бабочек, разбили одно из окон на втором этаже гостиницы и влетели внутрь.

Как будто стая порхающих пестрых бабочек бережно вынесла из разбитого окна тело водителя черного трейлера, из которого росли разноцветные цветы, и полетела вместе с ним ввысь.

Водители цветных трейлеров ни словом не обмолвились об увиденном сне. Причина была очень прозаична: проснувшись, ни один из них уже не помнил этого сна. Они жили недалеко друг от друга, каждый сидел у своего телевизора с бутылкой пива, телевизоры были настроены на один и тот же канал, и оба, опухшие, смотрели утреннюю информационную передачу.

Выпуск вела телеведущая с родинками на лице. Она энергично говорила о каком-то неопознанном летающем объекте. В студии, вместе с обычным горожанином, который за день до

этого зафиксировал любительской видеокамерой несколько секунд полета неопознанного летающего объекта, сидели военный эксперт и известный профессор-орнитолог.

— Нет двух мнений, что на протяжении прошедшего дня наши ультрасовременные локаторы и радары, которые были смонтированы при помощи иностранных специалистов-экспертов, не зафиксировали ни одного факта передвижения подозрительных металлических предметов! — кричала телеведущая.

— Это была какая-то неизвестная птица, — говорил военный эксперт. — Одних орлов сколько...

— Полностью согласен, что... — отвечал профессор-орнитолог, но телеведущая перебивала его своим криком.

— В разных странах, в рамках экологического туризма, туристам разрешается вести наблюдения за птицами непосредственно на природе, делать фотографии и записывать их пение! Наверное, нужно задуматься об основании такой же инфраструктуры в Грузии! — продолжала вопить телеведущая. — Вы согласны, что это принесет дополнительный доход стране и обеспечит трудоустройство населения?!

— Необходимо популяризировать эту идею, — спокойно соглашался с ней профессор-орнитолог. — То есть надо создавать специальные брошюры, видеофильмы как для туристов, так и для местного населения. Нужно помнить, что для перелетных птиц Грузия представляет собой коридор, или, так сказать, шелковый путь... Ведь многие виды прилетают сюда с севера, чтобы хорошо отдохнуть, набраться сил и продолжить путь в теплые страны...

— Говорю вам, в небе пролетела просто большая птица, — заключал военный эксперт. — Наверное, журавль. Не жар-птица ведь...

Сандро Базадзе

БОЛЬШЕ, ЧЕМ СПОРТ

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Фехтование – это больше, чем спорт. Прежде всего – это искусство, которое передается веками из поколения в поколение. За блеском и аристократизмом фехтования стоит вековая история дуэлей, история благородного состязания. С прошлого века фехтование стало очень популярным во всем мире. Грузия имеет богатые традиции фехтования, уникальные достижения в XX веке и огромные успехи в последние годы.

Из нынешних фехтовальщиков Грузии самым успешным и известным в мире является 32-летний Сандро Базадзе. Сегодня он считается одним из лучших фехтовальщиков планеты. В 2022 году на чемпионате мира в Милане Сандро стал вице-чемпионом, в 2023 году на ЧМ в Каире – бронзовым призером, два раза становился чемпионом Европы, был победителем Европейских Игр, трехкратным победителем Кубка Мира, победителем и призером нескольких представительных международных турниров, в

2022 и 2023 годах занимал первое место в мировом рейтинге фехтовальщиков.

Мы знакомы с 2017 года – и тогда, и впоследствии Сандро не раз заявлял, что «его цель – завоевать звание чемпиона мира». Своей цели Сандро достиг на ЧМ-2025, который прошел в Тбилиси в июле этого года. В чемпионате приняли участие спортсмены из 120 стран, соревнования проходили в трех традиционных видах – сабля, шпага и рапира. В 1/32 саблист Сандро Базадзе выиграл у поляка Кшиштофа Качковского, в 1/16 победил Уильяма Морилла из США, а затем выиграл у трех египетских спортсменов: в 1/8 – у Мохамеда Амера, в 1/4 – у Зида Эльсисси, в полуфинале – у Ахмеда Хешама. В финале Сандро уверенно победил француза Жана-Филиппа Патриса.

Несколько тысяч зрителей, находившихся на трибунах «Тбилиси-Арены», овациями встретили успех Сандро. В их числе были президент Грузии Михаил Кавелашвили, пре-

Мераб Базадзе

мьер-министр страны Ираклий Кобахидзе, министр спорта Шалва Гоголадзе, президент Федерации фехтования Грузии Мераб Базадзе, президент Международной федерации фехтования Абдель Монем Эль-Хусейни, известный в прошлом египетский фехтовальщик.

Победе Сандро особенно радовались его отец и брат – оба фехтовальщики. Отец Сандро, Мераб Базадзе, в свое время был неоднократным чемпионом Грузии, а в 1981 году стал чемпионом СССР в личном и командном зачете, в 1983 году – победителем чемпионата стран Восточной Европы, в 1986 году – вице-чемпионом Спартакиады СССР. В начале 1990 года, когда Мерабу было 26 лет, его карьера фехтовальщика в силу объективных причин прекратилась. Он успешно занимался тренерской работой, был главным тренером национальной сборной Грузии. С 2018 года по сегодняшний день Мераб Базадзе – президент Федерации фехтования Грузии.

Его старший сын Бека Базадзе – победитель нескольких международных турниров, призер чемпионата Европы и Кубка мира, участник чемпионатов мира в составе сборной Грузии, в том числе и ЧМ-2025. Именно Бека вдохновил своего младшего брата на занятия фехтованием. Вот как сам Сандро рассказывал мне о своем пути в спорте: «В детстве я увлекался футболом и хотел стать футболистом, три года выступал за футбольную команду знаменитой 35-й тбилисской спортшколы. А когда мне исполнилось 13 лет, мой брат Бека стал чемпионом Грузии, и мне так понравилось, как ему вручали золотую ме-

даль, что я решил попробовать себя в фехтовании. Так все и началось».

Благодаря своему таланту и редкому трудолюбию Сандро за последние годы добился блестящих результатов. А что касается его обидного поражения на Олимпийских играх 2024 года в Париже, поражения, которое привело в отчаяние сотни тысяч

Бека Базадзе и Тенгиз Пачкория

болельщиков, то специалисты по фехтованию считают его причиной некомпетентное решение судей. В те дни Сандро опубликовал в соцсети очень эмоциональный пост: «На Олимпиаде в Париже я стал свидетелем того, что справедливости здесь не существует... Стать олимпийским чемпионом было моей целью с первого дня, но мне не позволяют этого сделать... Я не вру, у меня двое детей, и я не хочу, чтобы у них был отец, который лжет. Я не сдамся, хотя я очень разочарован и в отчаянии».

С конца 2024 года его тренером является титулованный итальянский фехтовальщик Луиджи Тарантино. Сегодняшняя мечта выдающегося фехтовальщика – стать чемпионом Олимпийских Игр 2028 года. Надеемся на это и мы, его вер-

Георгий Сичинава

ные почитатели и болельщики.

Если Сандро Базадзе пришел в фехтование из футбола, то знаменитый футболист Георгий Сичинава в юности был успешным фехтовальщиком. Будущий бронзовый призер чемпионата мира по футболу-1966 родился и вырос в г. Гагра, с детства увлекался и футболом, и фехтованием. Георгий стал чемпионом Грузии по фехтованию среди юношей и в составе сборной Грузии в августе 1959 года участвовал в Спартакиаде СССР в Москве. «Я очень любил фехтование, – рассказывал мне Сичинава, – это была романтика жизни. Я очень хотел добиться успеха на Московской спартакиаде, но, увы, меня подвела, так сказать, буйная фантазия, я нарушил порядок проживания в общежитии, меня дисквалифицировали, и я покинул Спартакиаду». Прилетев в Тбилиси, Георгий отправился к своему старшему другу, футболисту тбилисского «Динамо» и затем сборной СССР Владимиру Баркая, которого знал как соседа по улице Ниношвили в Гагра. «Сема (так друзья называли Владимира – прим. авт.) тепло меня принял, успокоил, сказал, что мне пора уходить из фехтования, и предложил вместе пойти на тренировку динамовцев – посмотреть, как тренируются игроки лучшей команды Грузии», – вспоминал Сичинава. Тренировку вел старший тренер тбилисского «Динамо» Андро Жордания – знаменитый в прошлом футболист и тогда уже легендарный тренер. На этой тренировке Баркая с одноклубниками наигрывал новые комбинации, а юный Георгий Сичинава подавал мячи. «У Андро Жордания была потрясающая футбольная интуиция, – рассказывал Георгий. – Он заметил, что я не просто подавал мячи игрокам, но время от времени жонглировал мячом. Он подошел Сему Баркая, спросил, кто, мол, этот парень, тот рассказал обо мне, после чего дядя Андро сказал: «Пусть завтра приходит на тренировку в соответствующей форме». Так я оказался в «Динамо» Тбилиси».

Но самое важное произошло через пару месяцев. А. Жор-

Прыжок Георгия Сичинава

дания в заявочный состав «Динамо» Тбилиси на Чемпионат СССР 1960 года включил Г. Сичинава. «Из Москвы сказали, что у Сичинава дисквалификация, а Андро ответил – так у парня дисквалификация в фехтовании, а не в футболе, Сичинава – талантливый футболист, дайте ему возможность играть, и он всех порадует. Так и решилась моя судьба», – вспоминал Сичинава. И он стал знаменитым футболистом, а после возвращения в родной город Гагра – прекрасным тренером и футбольным организатором. До октября 1992 года жил и работал в Гагра, из-за драматических событий начала октября 1992 года вместе с семьей перебрался в Сочи, где проживал более 20 лет, затем вернулся в родной город, где живет по сегодняшний день.

А о своем увлечении фехтованием выдающийся футболист вспоминает всегда с большой любовью и старается следить за событиями в мире этого вида спорта, который, как и было сказано, не только спорт, но и искусство.

ПЕТРЕ САРАДЖИШВИЛИ

■ Омар ШУДРА

Недавно я зашел на Сабурталинское кладбище навестить могилу родителей... Взглянул на надгробный памятник всемирно известного невролога Петре Сараджишвили, стоящий неподалеку, и поневоле, словно на киноплёнке, в памяти промелькнули несколько кадров из его насыщенной событиями жизни.

Мой отец часто вспоминал, как весной 1949 года (мне тогда было 7 лет) мы получили квартиру в районе «Воронцова». Хозяину этой квартиры, Петре Сараджишвили, в то время еще профессору, выделили жилплощадь в новом доме в районе Ваке, на нынешнем проспекте Чавчавадзе. За неделю до окончательного переезда отец, популярный вратарь тбилисского «Динамо», зашел на квартиру и застал там Петра Михайловича, который возился с белым мраморным камином, чтобы перевезти его на новое место жительства. Камин не поддавался, и отец предложил оставить все как есть. Сараджишвили, уставший, легко согласился. Так у нас и осталась старинная реликвия (дом построили немецкие колонисты в 1887 году), украшавшая все праздничные вечера в нашей семье.

А вот еще один кадр из вос-

поминаний. В 1970 году, после многолетнего пребывания в Дубне, научном городке в Московской области, я наконец вернулся в Тбилиси. Долго не мог переключиться на тбилисский уклад – кланы, цеховики, застолья, коррупция даже в научных кругах... Затем – полная смена руководства Грузии. На фоне всего этого я переживал, нервничал и никак не мог завершить почти готовую диссертацию. И тогда отец повел меня к своему старому знакомому – Петре Сараджишвили. Он тепло принял нас в своем директорском кабинете в Институте неврологии. Запомнилась большая фотография на стене – Петр Михайлович в окружении солидно одетых врачей, скорее всего, участников международного конгресса. Уже под конец нашего визита он, со своим характерным трогательным заиканием, произнес: «Не волнуйся, не изводи себя, ты один изменить ничего не сможешь...» До сих пор помню этот краткий мудрый совет.

Спустя годы мы случайно встретились в Симферопольском аэропорту, в конце пресловутого брежневского застоя. Я возвращался с конференции физиков в Алуште. Поздний вечер. Вылет ТУ-134 задерживается (в те годы из-за проблем с авиатопливом это было обыч-

ным явлением). Но вот объявили посадку, и толпа пассажиров ринулась к трапу. «Штурм» трапа остановила бортпроводница, стоявшая у дверей самолета, четко и властно объявив: «Первым заходит академик Сараджишвили!» Толпа молча рступилась. Правда, вряд ли это было проявлением вежливости и заботы «Аэрофлота» к ученой среде. Скорее всего – рекомендация всесильного КГБ.

Прилетев в Тбилиси, от самолета к зданию аэропорта все шли пешком. Я, конечно, предложил Петру Михайловичу понести его старомодный портфель. Он, конечно, отказался...

Почти уверен, что в тот раз Сараджишвили, невролог с мировым именем, потому прилетел «налегке», что участвовал в консилиуме по самочувствию отдохавшего в Крыму (скорее, тяжело больного) Андропова или Брежнева. А в портфеле лежали совершенно секретные бумаги о состоянии их здоровья.

Петре Сараджишвили родился в 1894 г. в Кутаиси, в семье известного юриста и общественного деятеля Михаила Сараджишвили и педагога, активной участницы Общества по распространению грамотности Пелагеи Сулханишвили. В 1912 г. окончил тбилисскую классическую гимназию и поступил на медицинский факультет Императорского Новороссийского университета в Одессе. По окончании учебы работал в Тбилиси – ординатором психиатрической больницы, ассистентом в неврологической клинике ТГУ, с 1923 г. – заведующим неврологическим отделением Тбилисской клинической железнодорожной больницы, где 12-коечное отделение поднял до уровня ведущей клиники города. С 1925 г. работал в Москве, в клинике знаменитого Григория Россолимо, затем более двух лет – во Франции, в клинике Жоржа Гийена, бок о бок с такими ведущими неврологами, как Бабинский, Бурги-ньон, Алажуанин. В 1936 г. Сараджишвили защитил в Москве докторскую диссертацию на тему «Отравление нервной системы трикрезилфосфатом». Он первым в мире описал и удостоверил, что синдром боково-

Петре Сараджишвили с сотрудниками Института неврологии

го амиотрофического склероза может быть вызван химической интоксикацией. С 1937 г. Сараджишвили заведует кафедрой нервных болезней Института усовершенствования врачей. А вскоре создает и возглавляет Институт клинической и экспериментальной неврологии Минздрава Грузии, осуществив свою давнюю мечту о мощном центре нейрохирургии. Это был институт мирового уровня, с прекрасной библиотекой, в которую поступали медицинские журналы, изданные как в СССР, так и за рубежом. Сегодня институт носит имя своего основателя и специализируется на клинической лабораторной диагностике и лечении неврологических заболеваний.

Петре Сараджишвили отличали широкий диапазон знаний и неуемная энергия, а его научные интересы были поистине безграничны. Он заранее предугадал, что полноценное изучение нервной системы будет невозможно без физиологии, биохимии, морфологии, психологии и других фундаментальных наук, поэтому установил тесные взаимоотношения со школами Иванэ Бериташвили и Димитрия Узнадзе.

Именно усилиями Сараджишвили термин «невропатология» заменили европейским термином «неврология», и эпилепсию, которая всегда считалась психиатрическим заболеванием, отнесли к неврологии. Ученый основал Всесоюзную комиссию по эпилепсии и был ее неизменным руководителем.

А в 1963 г. его пригласили в Европу для создания терминологического словаря эпилепсии и тогда же избрали академиком АМН.

П. Сараджишвили был членом многих научных обществ, редактором и консультантом множества энциклопедий. Он автор свыше 250 научных работ, 9 монографий, руководитель 66 диссертаций, из них 26 докторских, заслуженный деятель науки Грузии, кавалер трех орденов.

Его сотрудники вспоминали: «Сараджишвили уже в 60-е годы требовал от нас знания английского языка, и его врачи читали медицинскую литературу на английском и переводили ее на грузинский... Очень тщательно отбирал сотрудников, все собеседования проводил лично... Одевался всегда элегантно и с большим вкусом... Имел строгий и вспыльчивый характер – однажды даже выгнал из кабинета финансовую комиссию, заподозрив ее в предвзятости... По отношению к пациентам был спокоен и внимателен. Про него говорили, что молоточком невролога он владел, как музыкант-виртуоз – своим инструментом...»

Однако жизнь Петра Михайловича не была такой безоблачной, как иной раз описывают разные энциклопедии и википедии. Бывали у него и тяжелые периоды. Вот что рассказывает человек из его близкого круга: «В начале 30-х годов П. Сараджишвили жил с женой-грузинкой на улице Калинина, у костела (ныне улица Иванэ Джавахишвили). Их единственный ребенок умер от воспали-

ния легких. Вторую жену, родом из Венгрии, репрессировали в ходе национальных операций НКВД в отношении иностранцев в злосчастном 1937 году. Одинокий Петр Михайлович вскоре переехал в дом на улице Клары Цеткин (сегодняшняя Цинамдзгвришвили), где стойко переносил бытовые трудности коммунальной квартиры... Но потом, в новой современной квартире в районе Ваке, его третья жена, любимая Зинаида, наладила быт и до самой смерти Петра Михайловича была с ним рядом».

Помню, в феврале 1984 года на похороны прибыло все руководство Грузии во главе с Э. Шеварднадзе и почтило память великого ученого.

Петре Сараджишвили похоронен в Сабурталинском пантеоне. Рядом покоится супруга Зинаида. Его именем названа улица в Тбилиси.

ЧАЙ, ГРУЗИЯ, КИТАЙ И КУЛЬТУРА СВОБОДЫ

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Когда-то, очень давно, буквально в прошлом тысячелетии, я жила в Тбилиси. С тех пор приезжаю каждый год. Люблю этот город и, казалось бы, знаю. Недавно выяснилось, что знаю не все...

Осенью темнеет рано, мы с подружкой-художницей Машей Овчинниковой шли по улице Галактиона Табидзе – спускались с «верхних этажей» района Сололаки к площади Свободы. И вдруг Маша берет меня за руку и тащит на другую сторону улицы. Я упираюсь. А она говорит:

– Идем! Покажу тебе самый маленький из самых волшебных музеев Тбилиси – видишь, в подвале горит свет!

Свет действительно сиял таинственно и уютно. И мы вошли даже не в подвал, а в подвальчик. И в самом деле – волшебный. В нем каждый, самый небольшой, из загадочных предметов излучает красоту, негромкую, но очень уместную:

каждая вещица дружит с другой. Кажется, этот мир хорошо понимает себя, но столь же внимательно всматривается в тех, кто входит с улицы, из «дальних миров»...

А еще выясняется, что для волшебства, чтоб оно случилось, важен запах. Коробочки, покрытые лаком, стеклянные, деревянные, медные, глиняные и фарфоровые сосуды – в каждом свой чай или добавка к нему. К каждому гостю незаметно подбирается тончайший аромат... И осторожно соперничает с другими запахами, словно шепчет: «Не меня ли ты ищешь?.. Как я тебе?..»

В общем, я благодарна Маше за это чудо.

Время было позднее, любезный хозяин по имени Шота Битадзе, человек, как и сам подвальчик, безусловно таинственный, проводил нас с подружкой к выходу, подарив на прощание пакетик лепестков специального сорта роз – чудесной добавки к зеленому чаю.

А через несколько дней я пришла на улицу Галактиона снова, уже по заданию редакции, поговорить с хозяином о маленьком музее. Чтоб понять – как и откуда пришло это все в район Сололаки города Тбилиси...

Шота Битадзе еще в молодые годы, учась в политехническом, увлекся восточными боевыми искусствами... А в результате освоил не только боевой дух и кодекс карате. Его заинтересовала культура Тайчи кунг-фу, затем – китайские медицинские практики, особенно необходимые при освоении карате. Дошла очередь и до учений даосизма, до «пути вещей».

Все это совершенно не мешало спортсмену Шоте Битадзе выучиться в родном Тбилиси на инженера-технолога по электронному оборудованию и много лет с большим интересом работать на заводе, конструируя новую медицинскую технику.

Но жизнь – вещь странная. Что в ней главное, что – нет?

Вспомним карту мира – где Грузия, где Китай? И все-таки! Из миллиарда китайцев в Тбилиси считанные единицы, но все же – были. Со времен Российской империи и до наших дней.

Совершенно особое место среди них занимала одна китаянка. Потому что ее дед был тем мастером-чаеводом, который первым принял участие в проекте Российской империи по созданию чайных плантаций и чайного производства в южных провинциях огромной страны, ведь к концу XIX века чай стал напитком всенародным. Русский купец из семьи торговцев чаем – Константин Семенович Попов, нанял ученого чаевода, китаяца Лау Джо Джао, чтобы он нашел место, подходящее для выращивания чая в новом климате, на новой земле. Больше всего для этого подошла Западная Грузия. И к се-

Семья Лау Джо Джао

веру от Батуми были заложены первые чайные плантации. Чай, выращенный Лау Джо Джао на холмах в Чакви, – предок всего грузинского чая.

В начале XX века ученый китаец стал управляющим государственных плантаций, в этом качестве он проработал с 1901 по 1926 год, когда у него возникли разногласия с большевиками, и он вынужден был вернуться в Китай. Где и умер в 1937 году. Но у него остались два сына и три дочери.

И вот что рассказал мне Шота Битадзе:

– Я давно знаком с внучкой Лау Джо Джао, она замужем за грузином, мои родственники – ее соседи. Она свободно говорит по-грузински, зовут ее Мали Кандарели, мы дружим. Она чудесный, образованный человек. Ее семья пережила на родине трудные времена... Но после Китайской культурной революции, в 1976 году, в Грузию переехала мать Мали. И потомки Лау Джо Джао, живя в Грузии, начали восстанавливать связи с Китаем, полезные и для нас. Собственный зеленый чай с жасмином высокого качества вернулся в Грузию. А потом, с начала девяностых, уже у нас настали смутные годы. Я оставил свою профессию инженера-конструктора – в Тбилиси не стало завода медицинского оборудования, где я работал... Но впадать в уныние я не стал. Мне очень пригостило увлечение молодости. Чай – не просто один из товаров потребления.

Это глубочайшая культурная традиция, выросшая на почве древней цивилизации. Она связана со всем, что я полюбил еще в молодости и продолжаю любить. Этим живу и сейчас. В трудные времена я посвятил себя чаю и всему, что с ним связано. Таким оказался мой «путь вещей». Продолжаю идти. Не один. Сейчас внучка первооткрывателя грузинского чаеводства Мали Кандарели и ученый-китаевед Зураб Мамниашвили руководят в Тбилиси культурным центром «Шелковый путь». Зура работает над первой транскрипцией китайского языка на грузинский. А я в маленьком Музее чая продолжаю учить молодых, да и не молодых грузин тому, что подарила мне судьба. Случается, вожу грузин на учебу в Китай... Для меня даоизм – не религия и не философия, как часто его толкуют, не понимая сути. К сожалению, и религия, и философия в наше время все чаще разрушают гармонию. Они слишком много спорят, пытаются разделять и властвовать. В то время как путь Дао – это освобождение. От малозначительных внешних пут, от душевного нездоровья, разрушающих мир. Наш музей-магазин – небольшой вход в пятитысячелетнюю культуру освобождения. Надеюсь, это именно так...

Загляните в музей грузинского чая на Галактиона, 5, в этот не простой, волшебный подвальныйчик, в который мы с Машей заглянули совершенно случайно.

Шота Битадзе

Зураб Мамниашвили

ГАРМОНИЯ ГОР И СЕРДЦА

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Недавним осенним вечером в Тбилисском театре оперы и балета прошел юбилейный вечер композитора Отара Татишвили. На сцене выступили оркестр театра и солисты из Грузии, Германии и Казахстана.

Музыка, навеянная величием грузинских гор и дыханием родной земли, — так можно сказать о произведениях Отара Татишвили. Его мелодии звучат глубоко и богато, каждая — словно драгоценное украшение, созданное в лучших традициях классической музыки.

Композитор и пианист Отар Татишвили — человек разносторонний и, по его словам, увлекающийся. В детстве он даже мечтал стать летчиком: «Я был очень впечатлительным. Когда что-то нравилось, сразу хотелось заняться этим всерьез. Но, видимо, Господь помогает каждому выбрать свое. Я с детства хорошо рисовал, был музыкальным. Семья у нас тоже творческая, мама была певицей. Передо мной стоял выбор: рисование или музыка. И все же музыка потянула за собой, и я не жалею. Хотя до сих пор рисую, у меня даже были персональные выставки».

Отар окончил сначала фортепианный факультет, а затем, по настоянию матери, поступил на композиторский. «Я огрызался, но не жалею, что послушал маму, — вспоминает композитор. — Моя дипломная работа — фортепианный концерт — получила премию в Москве».

В 70-е годы его вдохновляли легенды мировой сцены

— Pink Floyd, Элтон Джон, The Shadows. «Это было невозможно слушать без восторга. Я играл их по слуху, пел, часто выступал как певец в 80-х годах», — говорит Отар Татишвили.

Со временем он осознал, что классика требует большего внимания. «Последние 15-20 лет я больше тянусь к духовности. Раньше были гастроли, ученики, поездки, но за последние годы я создал множество инструментальных концертов, симфоний, мюзиклов. И сегодня для меня очень радостный день, потому что симфоническая музыка — самая сложная и самая ответственная», — признался маэстро.

В программе вечера прозвучали: Концерт для скрипки с оркестром, Концерт «Дежавю» для фортепиано с оркестром, премьера Концерта для виолончели с оркестром и Симфония №1 «Помни о Родине». В концерте приняли участие грузинская пианистка Тамар Личели и оркестр Тбилисского театра оперы и балета под управлением маэстро Давида Мухерия. Впервые в Грузии выступили в качестве солистов виолончелист из Германии Александр Пириев и скрипачка из Казахстана Аида Аюпова.

«Все в жизни очень символично, — говорит Аида Аюпова, заслуженный деятель Казахстана, солистка Казахской государственной филармонии. — Когда я была студенткой Венской консерватории, очень тесно общалась с грузинской пианисткой: мы играли вместе и дружили. Поэтому, оказавшись здесь, в

Грузии, я с удовольствием исполняю музыку такого гениального композитора, как Отар Татишвили. Мы с ним познакомились благодаря моим коллегам и друзьям. Этот концерт я уже исполнила в апреле у нас, в Алматы, с Казахским государственным симфоническим оркестром — премьера прошла очень успешно. И сегодня выступать в родных пенатах маэстро для меня особенно приятно и вдохновляюще. Музыка, если она талантлива, всегда сближает любые национальности и народы. А почему я еще люблю этот Концерт — потому что нравится Грузия. Здесь живет очень эмоциональный и музыкальный народ. Казахи тоже достаточно талантливые, может быть, немного, как все азиаты, сдержанны в эмоциях, но это не означает, что их у нас нет. У наших народов очень много схожего».

Концерт был организован Союзом композиторов Грузии при поддержке Министерства культуры. Этот вечер подарил публике возможность заново открыть для себя Отара Татишвили — композитора, в чьей музыке соединяются философия, масштабность и внутренняя энергия. Финальные аккорды концерта зрители встретили овациями. Музыка маэстро Татишвили — это не просто гармония звуков, а живая память о Грузии, ее горах, людях и стремлении к свету.

P.S.

Когда верстался этот номер, пришла информация из Еревана — в Национальном центре камерной музыки Армении состоялся концерт «Грузинские краски». В программу вечера вошел в том числе и «Концерт для скрипки с оркестром» Отара Татишвили в исполнении Армянского государственного камерного оркестра под руководством Григора Аракеляна и приглашенной из Грузии скрипачки Марианны Киракозовой. Публика наградила блестяще выступивших музыкантов шквалом аплодисментов и горячо приветствовала самого грузинского композитора, который присутствовал в зале. Добавим, что также прозвучали миниатюры на мотивы грузинских народных песен, написанные для струнного квартета Сулханом Цинцадзе, и «Ноктюрн для скрипки и оркестра» Важи Азарашвили.

თბილისის ალ. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო რუსული
დრამატული თეატრი

Тбилисский государственный русский
драматический театр
им. А.С. Грибоедова

სეზონი **180** СЕЗОН
2025-2026

დეკემბერი

27 შაბ., 28 კვ. 13:00

პრემიერა
პ.-ქ. ანდერსენი

ასანთის შუქვა მოყოლილი ზღაპარი

მუსიკალური წარმოდგენა
(დიდი დარბაზი)

30 სამ. 13:00

მოროჰკო

რუსული ხალხური ზღაპარი
(მცირე დარბაზი)

ДЕКАБРЬ

27 სб., 28 вск. 13:00

Премьера
Г.-Х. Андерсен

СКАЗКА ПРИ СВЕТЕ СПИЧКИ

Музыкальное представление
(Большой зал)

30 вт. 13:00

МОРОЗКО

Русская народная сказка
(Малый зал)

იანვარი

3 შაბ. 13:00

პ.-ქ. ანდერსენი

თოვლის დედოფალი

მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად
(დიდი დარბაზი)

4 კვ., 5 ორშ. 13:00

მოროჰკო

რუსული ხალხური ზღაპარი
(მცირე დარბაზი)

6 სამ. 13:00

პრემიერა
პ.-ქ. ანდერსენი

ასანთის შუქვა მოყოლილი ზღაპარი

მუსიკალური წარმოდგენა
(დიდი დარბაზი)

7 სამ. 13:00

პრემიერა
პ.-ქ. ანდერსენი

ასანთის შუქვა მოყოლილი ზღაპარი

მუსიკალური წარმოდგენა
(დიდი დარბაზი)

8 ხუთშ. 13:00

მოროჰკო

რუსული ხალხური ზღაპარი
(მცირე დარბაზი)

3 სб. 13:00

Г.-Х. Андерсен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Музыкальная сказка в одном действии
(Большой зал)

4 вск., 5 пн. 13:00

МОРОЗКО

Русская народная сказка
(Малый зал)

6 вт. 13:00

Премьера
Г.-Х. Андерсен

СКАЗКА ПРИ СВЕТЕ СПИЧКИ

Музыкальное представление
(Большой зал)

7 вт. 13:00

Премьера
Г.-Х. Андерсен

СКАЗКА ПРИ СВЕТЕ СПИЧКИ

Музыкальное представление
(Большой зал)

8 чт. 13.00

МОРОЗКО

Русская народная сказка
(Малый зал)

თეატრის დირექტორი და სამხატვრო ხელმძღვანელი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი
კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

ცნობები ტელეფონებზე: 2 93-11-06, 2 93-43-36

Директор и художественный руководитель театра
Авташвил Варсимашвили
лауреат Государственной премии Грузии
лауреат премии им. Котэ Марджанишвили

Справки по телефонам: 2 93-11-06, 2 93-43-36

www.griboedovtheatre.ge

